

NR 1 (8) – 2024

JEDNOŚĆ

PISMO MOSKIEWSKIEJ ORGANIZACJI POLONIJNEJ

Rok 2024 rokiem Czesława Miłosza

Дорогие читатели!

С удовольствием представляем вашему вниманию очередной выпуск журнала „Jedność”, который посвящён писателям, поэтам и историкам Польши.

Редакция выражает благодарность пану Арсению Долгову за помощь в издании данного номера журнала „Jedność”.

Drodzy czytelnicy!

Z przyjemnością przedstawiamy Państwu kolejny numer czasopisma „Jedność”, poświęcony pisarzom, poetom i historykom Polski.

Redakcja przekazuje wyrazy wdzięczności Panu Arseniuszowi Dołgowowi (Arsenii Dolgov) za pomoc w opublikowaniu niniejszego numeru pisma „Jedność”.

Электронные версии всех выпусков доступны по ссылке:
<https://clck.ru/auifd>

**NASI REDAKTORZY:
НАШИ РЕДАКТОРЫ:**

- ▶ REDAKTOR NACZELNY – DIANA DEMIDKO
(ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – ДИАНА ДЕМИДКО)
- ▶ REDAKTOR – JAN KARBOWNICKI
(РЕДАКТОР – ЯН КАРБОВНИЦКИЙ)
- ▶ REDAKTOR – PAULINA KARBOWNICKA
(РЕДАКТОР – ПОЛИНА КАРБОВНИЦКАЯ)

~*~*~*~*

**NASI AUTORZY:
НАШИ АВТОРЫ:**

- ▶ HELENA DEMIDKO (ЕЛЕНА ДЕМИДКО)
- ▶ ARSENIUSZ DOŁGOW (АРСЕНИЙ ДОЛГОВ)
- ▶ OLGA DUBIAGINA (ОЛЬГА ДУБЯГИНА)
- ▶ ANASTAZJA KARDANOWA (АНАСТАСИЯ КАРДАНОВА)
- ▶ WALERY KARDANOW (ВАЛЕРИЙ КАРДАНОВ)
- ▶ ALEKSANDRA KLONOWA (АЛЕКСАНДРА КЛЁНОВА)
- ▶ ANNA KOMAROWSKA (АННА КОМАРОВСКАЯ)
- ▶ ANNA KRAWIEC (ILUSTRACJE)
АННА КРАВЕЦ (ИЛЛЮСТРАЦИИ)
- ▶ WŁODZIMIERZ KULIK (ВЛАДИМИР КУЛИК)
- ▶ PAULINA KUZNIEWSKA (ПОЛИНА КУЗНЕЦОВА)
- ▶ KATARZYNA ŁAKTAJEWA (ЕКАТЕРИНА ЛАКТАЕВА)
- ▶ NATALIA MUSTAFINA (НАТАЛЬЯ МУСТАФИНА)
- ▶ ANIELA NAGORNYCH (АНЕЛИЯ НАГОРНЫХ)
- ▶ MARIA ZIELENOWA (МАРИЯ ЗЕЛЕНОВА)

Nakład: 500 egzemplarzy
Тираж: 500 экземпляров

W NUMERZE:

3 Чеслав Милош: за гранью слова / Czesław Milosz: poza słowem

5 Legendy miast polskich: stare wierzenia Wrocławia / Легенды польских городов: старые поверья Вроцлава

8 Życie i twórczość Witolda Gombrowicza / Жизнь и творчество Витольда Гомбровича

10 Interview s Anatoliem Rojtmanem / Wywiad z Anatolem Rojtnanem

18 Życie polonijne / Полонийная жизнь

20 Старый город-бастион / Stare miasto-bastion

22 Pisarz-historyk Paweł Jasienica / Писатель-историк Павел Ясеница /

24 Wojciech Chmielarz: kuchnia pisarska / Войцех Хмеляж: писательская кухня

25 Fотовыставка Дануты Венгель / Wystawa Fotografii Danuty Węgiel

28 Ян Матейко: биография и творчество / Jan Matejko: biografia i twórczość

30 Для детей / Dla dzieci

Чеслав Милош: за гранью слова

Czesław Miłosz: poza słowem

«Он чувствует жизненный ритм всей Восточной Европы и говорит за нас всех <...>. Восточная Европа с её конгломератом непроницаемых и всё же освещающих друг друга культур стала для него моделью всего современного мира».

Т. Венцлова. «Чеслав Милош: отчаяние и благодать»

Чеслав Милош, один из самых выдающихся польских писателей XX века и лауреат Нобелевской премии, оставил неизгладимый след в истории мировой литературы. Его жизнь была яркой, полной драматических вызовов и глубоких размышлений, а его творчество завоевало мировое признание.

Жизненный и творческий путь до эмиграции

Чеслав Милош родился 30 июня 1911 года в селе Шетеняй, в Литве, тогдашней части Российской империи. Его семья принадлежала к старинному дворянскому роду. В ранние годы Милош жил в разных местах (в том числе несколько лет – в Сибири, где работал его отец), и, возможно, именно это сформировало его как человека, столь чувствительного к культурному многообразию.

После окончания гимназии в Вильнюсе, куда переехала семья после Первой мировой войны, Милош поступил в университет, где окунулся в творческую среду, оказавшую мощное влияние на его интеллектуальное развитие. Он изучал право, но параллельно вовлёкся в литературную деятельность, публикуя свои первые стихи. Вскоре он стал соучредителем поэтического кружка «Жагары», в который входили поэты-катастрофисты. Его поэзия этого периода метафорична, масштабна и пронизана ощущением надвигающегося апокалипсиса.

Большую часть оккупации во время Второй мировой Милош провёл в Варшаве, работая смотрителем в библиотеке Варшавского университета. Благодаря этому он имел неограниченный доступ к книжной коллекции. Кроме того, в военное время он был одним из активных деятелей польского Сопротивления. За помощь польским евреям во время

Холокоста писатель вместе с братом Анджеем был удостоен звания праведника народов мира.

После войны Милош быстро осознал, что не согласен с насаждаемым коммунистическим режимом мировоззрением. Он поступил на дипломатическую службу и работал польским атташе по культуре в США и Франции. В этой роли он занимался культурной деятельностью – организацией выставок, лекций, концертов, а также анализировал политическую ситуацию.

Эмиграция

В 1951 году в Париже Милош подал прошение о политическом убежище. Это решение далось ему непросто: для Милоша эмиграция означала отделение от родного языка и культуры. По свидетельствам Зофьи Герц и Ежи Гедройца, приютивших в то время Милоша, это был «человек, находящийся на грани нервного срыва».

В 1960 году Милош занимает должность профессора-слависта в Калифорнийском университете в Беркли. Лекции в США он читал более 20 лет. Это время можно назвать его творческим расцветом. Были опубликованы «Порабощённый разум», «Захват власти», «Долина Иссы», «Родная Европа», поэтические сборники «Король Попель и другие стихотворения» и «Город без имени». В этот период его произведения почти не публиковались в Польше, лишь изредка появлялись в антологиях. Но, по словам Томаса Венцловы, даже «находясь в изгнании, Милош остался самым живым и самым крупным поэтом своей родины».

К сожалению, творческий подъём был омрачён личными обстоятельствами. В 1970-х годах жена Милоша, Янина, смертельно заболела. Он годами совмещал лекции в университете, писательскую работу и уход за супругой.

Символично, что в это время Милош работает над переводом Библии, в частности, над «Книгой Иова».

Нобелевская премия

9 октября 1980 года в четыре часа утра Милоша разбудил телефонный звонок шведского журналиста, который сообщил, что он только что получил Нобелевскую премию по литературе. По легенде, сонный поэт всего лишь пробормотал в трубку: «Это неправда», – и снова заснул. Однако через несколько часов толпа журналистов и фотокорреспондентов перед домом Милоша не оставила сомнений в реальности произошедшего. Жюри объяснило свой выбор тем, что Милош «с бескомпромиссной пронизательностью показал незащищённость человека в мире, полном жестоких конфликтов».

«Я принадлежу к польской литературе, которая относительно мало известна в мире, поскольку почти непереводаема. Сравнивая её с другой литературой, я смог оценить её ни с чем не сравнимую странность. Это своего рода тайное братство, со своими ритуалами общения с умершими, где на равных сосуществуют плач и смех, пафос и ирония», – сказал поэт на церемонии вручения Нобелевской премии по литературе в Стокгольме.

Спустя годы он описал этот момент в „*Autoportret przekorny*” («Беседы с Чеславом Милошем»): «Когда я получил Нобелевскую премию, я полностью потерял контроль и только рвал на себе волосы, выясняя, кем я являюсь в глазах других. Я всегда считал себя довольно герметичным поэтом <...>, для небольшой аудитории. А что происходит, когда такой поэт становится известным, громким, когда он становится кем-то вроде Яна Кепуры, тенора или звезды футбола? Естественно, возникает какое-то принципиальное недоразумение».

После присуждения Милошу Нобелевской премии журналисты и литературные критики обсуждали политические условия этой премии, считая, что вряд ли можно считать совпадением, что оно было получено польским поэтом-эмигрантом в год основания «Солидарности». Эта премия была истолкована как выражение поддержки политических изменений, происходящих в Восточном блоке, точно так же, как и более поздняя Нобелевская премия мира, присуждённая Леху

Валенсе. Шведскую академию обвиняли в том, что она руководствовалась нелитературными соображениями в своём выборе, хотя позже выяснилось, что имя Милоша фигурировало в списках кандидатов на премию несколько лет.

Возвращение в Польшу

Лишь после того, как писатель был удостоен Нобелевской премии, его произведения начали активно печатать в Польше. В 1981 году Милош посетил страну и получил степень почётного доктора Люблинского католического университета.

Вновь вернувшись в Польшу в 1989 году, он обнаружил её в новой реальности и столкнулся с необходимостью адаптации к новому социально-политическому климату. Со временем Краков стал его новым домом. Он много сотрудничал с польской прессой, в частности, с изданиями „*Tygodnik Powszechny*”, „*Gazeta Wyborcza*” и „*Zeszyty Literackie*”. Его последующие книги пользовались большой популярностью у читателей в Польше, в том числе: «Метафизическая пауза», «Легенды современности», «Богословский трактат», а также опубликованная в 2002 году поэма «Орфей и Эвридика», которую Милош написал после смерти своей второй жены Кэрол.

Однажды поклонники задали Милошу вопрос: «Если бы вы, как Фауст, могли заключить договор с дьяволом и снова стать восемнадцатилетним, но при условии, что вы уже не великий поэт, что вы не прожили всю свою жизнь, наполненную драматическими выборами, – согласились бы вы на это?» Поэт ответил решительно: «Нет».

Чеслав Милош умер 14 августа 2004 года в возрасте 93 лет. «Сегодня мы прощаемся с поэтом, но не прощаемся с его поэзией. Она наверняка переживёт всех нас, присутствующих здесь, и всех тех, кто отсутствует», – сказала Вислава Шимборская во время похорон.

Наследие Чеслава Милоша трудно переоценить. Его произведения до сих пор анализируются и обсуждаются в университетах по всему миру. Его бесстрашный голос против тоталитаризма, анализ социальных и культурных явлений, а также размышления о состоянии человека в современном изменчивом мире по-прежнему вдохновляют новые поколения читателей.

ТЕКСТ: МАРИЯ ЗЕЛЕНОВА

Legendy miast polskich: stare wierzenia Wrocławia

Легенды польских городов: старые поверья Вроцлава

Jak większość polskich miast, Wrocław jest bogaty w średniowieczne legendy. Swoją ciekawą historię (a nawet kilka!) ma prawie każdy zabytek.

Stare miasto we Wrocławiu

Klątwa zegarmistrza

Ok. 10 lat temu majestatyczny wrocławski ratusz został uznany przez internautów za symbol miasta. Na ratuszowej wieży można zobaczyć stary zegar. Właśnie z nim jest związana smutna legenda, według której w 1590 roku wrocławski zegarmistrz strasznie się upił. Zauważyły go panie, które pracowały na targu. Stwierdziły, że w takim stanie zegarmistrz nie powinien wchodzić na wieżę, i bardzo mocno go skaleczyły. Cały tydzień spędził w łóżku i nie był w stanie się ruszyć. Kiedy wrócił do zdrowia, rzucił klątwę na zegar. Powiedział, że nikt oprócz niego nie będzie mógł naprawić tych mechanizmów. Niedługo po tym zegarmistrz zmarł. A zegar naprawdę coraz częściej się psuł. Inni próbowali go naprawić, jednak bezskutecznie. W 1635 roku pewien pijany żołnierz zaczął strzelać do tarczy zegara, za co go ścięto pod Pręgierzem. W 1795 roku zegar

spieszył się już o pół godziny. To przeszkadzało mieszkańcom Wrocławia, bo tylko dzięki niemu oni mogli się dowiedzieć, która jest godzina.

Pod koniec XVIII wieku kilku zegarmistrzów sprawdziło, w jakim stanie jest zegar. Stwierdzili, że łatwiej będzie zamienić na nowy niż naprawić. Takiego zdania również był główny miejski zegarmistrz – Johann Gottlieb Klose. Dwa lata później on stworzył nowy zegar, na którym wciąż widać jego sygnaturę: „Johann Gotlieb Klose Senior In Breslau 1801”.

Widmo z wrocławskiego rynku

Do nieoficjalnych symboli Wrocławia należy jego rynek. Związana jest z nim mroczna historia. W tej legendzie mowa o przepięknej lecz wyuzdanej kobiecie. Wziął z nią ślub pracowity i uczciwy mężczyzna, który handlował płótnami na wrocławskim rynku. Jednak niedługo po tym ona znalazła sobie kochanka. Mąż wybaczył jej zdradę, ale był tak nieszczęsny, że popełnił samobójstwo. Kobieta nie nosiła żałoby ani chwili i cieszyła się życiem. Po śmierci męża zajmowała się handlem. Jednak jej kochanek okazał się oszustem i uciekł z całym jej majątkiem. Kobieta była zszokowana i niebawem zmarła. Według legendy, po jej śmierci niektórzy mieszkańcy miasta widzieli, jak nocą grzesznica wstaje z grobu. Czasem ona błąkała się po mieście i straszyla ludzi, ale najczęściej spieszyła się ku rynku i mierzyła płótna, które kiedyś sprzedawała. Kiedy zaczynało świtać, wracała do grobu.

Jednak nie trwało to długo. Niebawem pewien odważny mieszkaniec Wrocławia, strażnik, stwierdził, że musi ocalić miasto.

Nocą, gdy duch kobiety znów pojawił się na ulicy, mężczyzna znalazł jej grób i ukradł całun, w który były owinięte zwłoki. Od razu ukrył się w wieży. Po powrocie kobieta zauważyła, że w grobie brakuje tkaniny, i zaczęła prześladować strażnika. Uciekał przed nią coraz szybciej, ponieważ miał wrażenie, że jej celem jest zabicie go.

Nagle zabiły dzwony w kościele i duch upadł na ziemię. Tego samego dnia mieszkańcy Wrocławia spalili jej zwłoki, a prochy rozrzucili w czterech kierunkach świata. Nikt więcej nie widział strasznej zjawy. Ale jego zwycięzca ciężko przeżył wydarzenia tej nocy i po upływie krótkiego czasu zmarł.

Wrocław nocą

Biała Dama

We Wrocławiu również krąży legenda o kolejnym duchu kobiety, który pojawia się tym razem w słynnym Wrocławskim Uniwersytecie. Chodzi o tajemniczą Białą Damę.

W miejscu, gdzie znajduje się uczelnia, kiedyś był średniowieczny zamek. Zamieszkiwał go niesamowicie okrutny kasztelan. Uwielbiał on torturować ludzi. Używał to tego tzw. Żelaznej Dziewicy. To urządzenie, które

miało w środku ostre kolce. Wbijały się one w ciało torturowanego, co powodowało straszne rany, które przyczyniały się do szybkiej, lecz bolącej i męczącej śmierci.

Córka tego kasztelana, Elżbieta, miała z kolei, w odróżnieniu od ojca, dobre serce. Wielokrotnie błagała ojca o to, żeby zlitował się nad ludźmi, ale ten nie chciał jej słuchać. Wtedy ona postanowiła wykraść klucze od piwnicy, w której znajdowała się Żelazna Dziewica, oraz pozbyć się ich. Udało się to zrobić podczas snu kasztelana. Po przebudzeniu zaczął ścigać córkę, jednak przewrócił się na schodach, spadł na głowę i niedługo skonał. Zanim to się wydarzyło, zdążył przekląć Elżbietę. Dlatego ona po śmierci zamieniła się w Białą Damę – jej duch bezgłośnie chodzi po korytarzach Wrocławskiego Uniwersytetu.

Legendy kościoła św. Marii Magdaleny

Kilka wrocławskich legend są związane z kościołem św. Marii Magdaleny. Między jego wieżami można zobaczyć pomost, który został nazwany przez mieszkańców miasta "mostkiem czarownic". Według starego wierzenia, każdej nocy zmiatają go dusze dziewczyn, które za życia nie lubiły pracować, zajmując się wyłącznie zabawami. Po śmierci zostały zmuszone do nieustannego sprzątania – tak wygląda ich pokuta.

Rynek we Wrocławiu

Podczas egzekucji we Wrocławiu na wieży św. Marii Magdaleny zawsze bił dzwon. Jedna z legend opowiada, skąd się wzięła ta tradycja.

Mówi się, że w XIV stuleciu we Wrocławiu mieszkał bardzo utalentowany ludwisarz. Kazano mu wykonać ogromny dzwon. Ludwisarz stworzył formę, przygotował stopę żelaza, ale musiał na kilka godzin opuścić dom, żeby załatwić kilka

spraw w mieście. W domu został jego czeladnik. Z ciekawości wylał on stopę do formy. Kiedy ludwisarz wrócił do domu i się o tym dowiedział, uderzył czeladnika nożem i chłopak natychmiast zmarł. Zabójca spojrział na formę – ona została odlana idealnie.

Za popełnioną zbrojnię skazano ludwisarza na śmierć. Ostatnim jego życzeniem było usłyszeć, jak bije ten dzwon, który zrobił czeladnik. Przed śmiercią zauważył, że w powietrzu rozplývają się piękne dźwięki. Usłyszał on melodię dzwonu, o którym myślał. Od tamtych czasów przed każdą egzekucją we Wrocławiu można było usłyszeć bicie tego dzwonu.

Archikatedra św. Jana Chrzciciela we Wrocławiu

Głowa na wieży Katedry św. Jana Chrzciciela

Chyba każdy, kto był we Wrocławiu i widział Katedrę św. Jana Chrzciciela, zauważył, że na jej wierzchu widać głowę przerażonego mężczyzny. Stara historia opowiada o jej pochodzeniu.

Legenda głosi, że był kiedyś wrocławski złotnik Franciszek, który miał uroczą córkę o imieniu Barbara. Chciał wydać ją za mąż za bogatego człowieka. Ale Barbara była zakochana w czeladniku swojego ojca – chłopak miał na imię

Henryk. Był młody, zdolny, ale niestety biedny. Barbara i Henryk spotykali się tajemniczo, jednak pewnego razu ktoś z sąsiadów ich zobaczył i opowiedział o tym złotnikowi. Był on strasznie wściekły i kazał czeladnikowi natychmiast opuścić miasto. Henryk jednak obiecał Barbarze, że zdobędzie pieniądze. Zdobył je, ale nie dzięki pracy. Został on znanym rozbójnikiem.

Minęło kilka lat i Henryk wrócił do Wrocławia. Jednak ani Barbara nie chciała zostać żoną zbrojnika, ani jej ojciec nigdy by na to się nie zgodził. Wtedy Henryk postanowił zemścić się na nich – podpalił dom, gdzie mieszkali złotnik i jego córka. Oglądał to z wieży katedry. Myślał, że uda mu się uciec z miasta, ale w pewnym momencie wysokie mury go pochłonięły, a na wieży do dzisiaj widać jego skamieniałą twarz.

Smoka miał nie tylko Kraków

Na sam koniec została legenda, związana ze Strachocinem – osiedlem, położonym we wschodniej części stolicy Dolnego Śląska.

Mówi się, że dawno temu tam mieszkał olbrzymi potwór. Był to straszny smok, który miał ogromne ostre zęby i świecące się oczy. Siłę dawała mu woda z magicznego źródła, którą on codziennie pił. Kiedy był głodny, polował na krowy i kozy, a czasem i na ludzi. Bardzo się oni go bali, dlatego nazywali smoka Strachotą, a las – Strachocińskim.

Pewnego dnia spacerował po lesie młodzieniec, który miał na imię Konrad. Nagle on zobaczył źródło z przezroczystą wodą. Było gorąco, był spragniony. Wziął on kilka łyków i usłyszał głośny trzask. Na polanie pojawił się ogromny smok, który zaatakował Konrada. Ale dzięki magicznej wodzie stał się on niesamowicie silny. Potwór próbował pokonać odważnego młodzieńca, ale nie dał rady. Został poważnie zraniony i uciekł do lasu. Niebawem objadł się trującymi grzybami i umarł. A Konrad został uznany za bohatera. Otrzymał on Las Strachociński – była to nagroda od księcia śląskiego Bolesława Rogatki. Później na terenie tego lasu pojawiło się miasto, jedna z dzielnic którego nadal nazywa się Strachocinem.

Przedstawiono najbardziej znane wrocławskie legendy. Następnym razem opowiem Państwu o wierzeniach, związanych z Gdańskiem.

TEKST: ALEKSANDRA KLONOWA

Życie i twórczość Witolda Gombrowicza

Жизнь и творчество Витольда Гомбровича

Prozaik, dramaturg, eseista. Urodził się na początku stulecia 4 sierpnia 1904 roku pod Opatowem, w dzisiejszej Litwie, która była wówczas, podobnie jak Królestwo Polskie, częścią Imperium Rosyjskiego, w rodzinie starożytnego rodu arystokratycznego, ale już nie szlacheckiej i bogatej.

Gombrowicz czuł się na granicy swego istnienia: między Litwą a Polską, między wioską a miastem, między światem wyższym a klasą średnią. Te pośrednie, jak pisał w swoim dzienniku, „rozrośnie się wokół mnie do tego stopnia, że stanie się niemal moim miejscem zamieszkania, moją prawdziwą ojczyzną”.

Studiował prawo na Uniwersytecie Warszawskim, ukończył wydział prawniczy, zamierzał zostać adwokatem, jednak się nie udało, został pisarzem, ale takim pisarzem, którego droga do literatury nie była zasadzona różami.

Jego debiut w latach trzydziestych nie był pomyślny. Młodego powieściopisarza na początku spotkali niemal w sztykach. W 1933 roku opublikował „Memoary okresu dojrzewania” – zbiór opowieści, pełen humoru i literackich gier z „niższymi gatunkami”. Krytycy przyjęli książkę bardzo

chłodno. Była szokująca, wyśmiewana, irytująca. Z kolei „Ferdydurke” (1937) – była to jedna z najlepszych, paradoksalnych i tragicznie niepokojących powieści tego pisarza. Przedwojenna polska krytyka wszystkich kierunków (prawicowych i lewicowych) niemal jednomyślnie odrzuciła. Dopiero po latach książki Gombrowicza zostały naprawdę zrozumiane i przyjęte, ale niestety nie w kraju Ojczystym.

W sierpniu 1939 roku, miesiąc przed rozpoczęciem II wojny światowej, Gombrowicz wsiadł na pokład liniowca płynącego do Argentyny. Wyjechał za granicę i z woli okoliczności rozstał się z Polską na zawsze. W czasie wojny przebywał w Ameryce Południowej na świadomie wybranej emigracji, choć zamknięte środowisko polskich emigrantów w Argentynie jednocześnie irytowało i bawiło go. Jego przedwojenne książki w Polsce zostały zapomniane, a za granicą autor długo nie mógł uzyskać uznania. Przez prawie ćwierć wieku mieszkał w Argentynie, następnie przeniósł się do Europy Zachodniej i zakończył swoje dni we Francji jako pisarz znany na całym świecie. Zmarł 25 lipca 1969 roku w Vance.

Pisał w języku polskim, ale nie zezwalał na publikację swoich prac w Polsce, dopóki władze nie zniosły zakazu pełnej wersji jego pamiętnika „Dziennik”. Ponieważ odmówił publikacji w Polsce, pozostał w znacznej mierze nieznany szerokiej publiczności czytelniczej do pierwszej połowy lat 70. Niemniej jednak jego dzieła zostały wydrukowane w języku polskim przez Paryski Instytut Literacyjny Jerzego Hedroczica i przetłumaczone na ponad 30 języków. Ponadto jego dramaty były wielokrotnie wystawiane na całym świecie przez wybitnych reżyserów, takich jak Jorge Lovelli, Alf Sheberg, Ingmar Bergman, a także

Jerzego Jarockiego i Jerzego Gzegożewskiego w Polsce.

Jego droga do sławy rozpoczęła się od „Ferdydurke”. Powieść ta została wydana w 1947 roku w Argentynie w języku hiszpańskim, po czym tłumaczenia zaczęły pojawiać się w kolejnych krajach. Drugie polskie wydanie „Ferdydurke” ukazało się w 1957 roku, pierwsze w języku rosyjskim w czasopiśmie dopiero – w 1991 roku, a książkowe dopiero na progu XXI wieku. Ta powieść jest swego rodzaju manifestem antytotalizmu – opowiada o ludzkim cierpieniu wywołanym ramami, w które wpycha nas inna osoba, o cierpieniu wynikającym z tego, że dusimy się i zatapiamy w ciasnym, wąskim, twardym wyobrażeniu o sobie innej osoby, o problemie niedojrzałości i młodości, maskach, za którymi człowiek ukrywa się przed innymi, o ograniczeniu społeczeństwa i kultury, zwłaszcza polskiej szlachty katolickiej i prowincjonalnej. „Ferdydurke” spotkała się z ostrą reakcją krytyki, dzieląc czytelników na zwolenników i wrogów Gombrowicza. Książkę wysoko ocenili Bruno Schulz i Zofia Nałkowska. W 1938 roku opublikowano pierwszy dramatyczny tekst Gombrowicza.

„Iwona, księżniczka Burgunda” – groteska o formach, zwyczajach i ceremoniach, które, rozwijając się, zawstydzają osobę, ale od których nie jest w stanie się uwolnić. Dramat pozostał niezauważony i nieoceniony. Dopiero w połowie lat pięćdziesiątych pierwsza powieść Gombrowicza została ponownie wydana w Polsce, oprócz tego w Polsce i Francji ukazała się drama „Ślub”, napisana w 1946 roku w Argentynie. Szczyt międzynarodowej sławy Gombrowicza przypadła na lata sześćdziesiąte. Wtedy ukazało się paryskie wydanie dwóch powieści: „Pornografia” i „Kosmos”, a także „Dzienniczki”, które wielu znawców literatury uważa za najbardziej wybitne dzieło pisarza, oraz „Operety” – groteskowego tekstu o historii dwudziestego wieku i rewolucjach.

Czesław Miłosz: „Prace Gombrowicza – pomnik polskiej prozy”.

Jerzy Jarocki: „Dzisiejszy polski teatr jest całkowicie przeniknięty Gombrowiczem”.

Wybrane przedstawienia dramatów Gombrowicza:

- 1958 „Iwona, księżniczka Burgunda”, Teatr Dramatyczny w Warszawie, reż. Halina Mikołajska
- 1974 „Ślub”, Teatr Dramatyczny w Warszawie, reż. Jerzy Jarocki
- 1996 „Zamierzone zabójstwo”, Teatr im. Jarachę w Łodzi, reż. Zbigniew Brzoza
- 1997 „Taniec adwokata Kraikowskiego”, Teatr im. Kochanowskiego w Radomiu, reż. Krzysztof Warlikowski
- 1998 „Ślub”, Teatr Narodowy w Warszawie, reż. Jerzy Grzegorzewski
- 2000 „Operetta”, Teatr Narodowy w Warszawie, reż. Jerzy Grzegorzewski

Bibliografia (pierwsze wydania):

- „Memoria okresu dojrzewania”, Warszawa: „Rój” 1933
- „Ferdydurke”, Warszawa: „Rój” 1937
- „Transatlantyk”, „Ślub”, Paryż: Instytut Literacki 1953
- „Dziennik 1953-1956”, Paryż: Instytut Literacki 1957
- „Bakakaj”, Kraków: Wydawnictwo Literackie 1957
- „Iwona, księżniczka Burgunda”, Warszawa: 1958
- „Pornografia”, Paryż: Instytut Literacki 1960
- „Dziennik 1957-1961”, Paryż: Instytut Literacki 1962
- „Kosmos”, Paryż: Instytut Literacki, 1965
- „Dzienniczek 1961-1966”. Operetka, Paryż: Instytut Literacki 1966
- „Rozmowy z Gombrowiczem”, Paryż: Instytut Literacki, 1969
- „Polskie wspomnienia. Wędrowki po Argentynie, w Zbiórkach”, tom 11, Paryż: Instytut Literacki, 1977
- „Zbiór dzieł”, T. 1-11, Paryż: Instytut Literacki 1969-1977
- „Wyprawy”, T. 1-10, Kraków: Wydawnictwo Literackie 1986-1992

TEKST: NATALIA MUSTAFINA

Интервью с Анатолием Ройтманом

Wywiad z Anatolem Rojtmmanem

В современной России вряд ли найдётся другой человек так хорошо знавший Чеслава Милоша и сохраняющий в наше непростое время его литературное наследие. Этот человек – Анатолий Ройтман, знаток творчества Милоша и его переводчик.

20 июля 2000 года – день первого прихода в гости к поэту – он считает первым днём своего второго рождения: с лёгкой руки Милоша и с его одобрения физик по образованию Анатолий Ройтман стал переводчиком, в первую очередь, польской поэзии. Сегодня число переведённых им поэтов перевалило за тридцать.

Впечатляющие результаты его литературного труда отмечены достойными наградами:

- в 2011 году – награда Посла Республики Польша в России «Польский Пегас»;
- в 2013 году – Кавалерский крест Ордена Заслуги перед Республикой Польша;
- в 2018 году – серебряная медаль «За заслуги в культуре *Gloria Artis*».

Анатолий Ройтман согласился дать интервью члену московского «Единства» Арсению Долгову и любезно предоставил три автографа из своего собрания автографов Милоша и фотографию, сделанную в 2003 году в краковской квартире поэта.

Вацлав Буриан (Чехия), Анатолий Ройтман, Чеслав Милош, г. Краков, 13 августа 2003 г.

Арсений Долгов: Уважаемый Пан Анатолий, добрый день. Позвольте начать наш разговор с вопроса, который вам задают, наверное, чаще других. Вы известны прежде всего как переводчик поэзии Чеслава Милоша и

как человек, состоявший в дружеских отношениях с великим польским поэтом. Наши читатели интересуют, как произошло ваше знакомство с таким маэстро поэзии, как Чеслав Милош, и как вам удалось вслед за этим знакомством перейти из разряда читателей и ценителей польской поэзии в узкий круг её переводчиков?

Анатолий Ройтман: Добрый день, уважаемые читатели! Во-первых, благодарю за приглашение к разговору. Думаю, мы можем даже говорить о продолжении разговора, начатого мной в год столетнего юбилея Поэта, в рамках турне, включавшего выступления и встречи с читателями в Краснодаре, Казани, Уфе, Екатеринбурге. Тепло вспоминаю те дни и живой интерес публики к фигуре поэта и его поэзии.

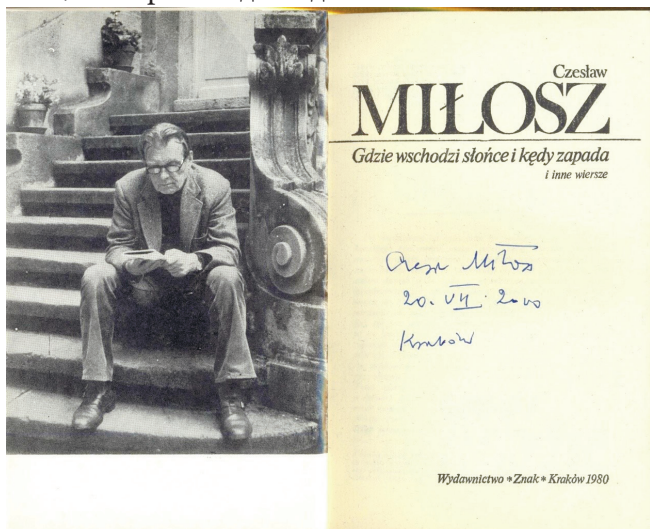
Теперь попробую ответить на три взаимосвязанных вопроса. Первый из них – это вопрос-удивление: как физик по образованию, преподающий теоретическую механику в далёком Новосибирске, оказался в квартире Нобелевского лауреата по литературе на улочке Богуславского в Кракове? Второй – на каком языке или на каких языках говорили собеседники: точнее, как случилось, что я в зрелом возрасте незаметно для себя освоил литературный польский? И, наконец, третий вопрос – какие исходные данные, способности, обстоятельства были необходимы, чтобы совершить качественный рывок и стать переводчиком поэзии Чеслава Милоша? Учитывая, что после нашей предыдущей встречи прошло много времени, и думая о более молодых читателях, позволю себе кое-что повторить из того, что некоторым читателям уже может быть известно.

Цепочка прежде мне незнакомых людей, приведших меня к Милошу, оказалась короткой, но самой надёжной. Можно сказать, счастливой случайностью для меня стала встреча с чешским поэтом, переводчиком, журналистом Вацлавом Бурианом (Вашеком), с которым я подружился в Кракове в 1999 году.

Следующим летом Вашек познакомил

меня с крупнейшим польским милошеведом профессором Александром Фьютом, который во время нашей встречи за чашечкой кофе в одном из внутренних дворишков Ягеллонского университета обескуражил меня неожиданным вопросом: «А хочешь встретиться с Милошем?» Подобных планов у меня и в помине не было, но я кивнул. Моя участь была решена.

В то же время профессор Фьют рекомендовал Милошу встретиться со мной. Не знаю, что он при этом говорил ему обо мне, мы никогда это не обсуждали. Но в итоге моя первая встреча с Милошем состоялась 20 июля 2000 года, и с этого момента, можно сказать, для меня начался новый отсчёт времени. Я пришёл к Поэту в дни, когда новая книга его стихотворений «Это» готовилась к выходу в издательстве «Znak». И этот факт сыграл важную роль в том, что происходило дальше.

Книга, которую Анатолий Ройтман получил в первую встречу с Поэтом.

Надпись: "Czesław Miłosz 20.VII.2000 Kraków"

Когда я впервые пришёл к Поэту, я не был ни переводчиком, ни литератором, но владел литературным польским языком и хорошим произношением, хотя никогда специально не учил язык с преподавателем и никогда не пользовался учебником польского языка. Правда, к моменту нашей встречи с Милошем в Кракове я на протяжении тридцати лет читал польские книги и польские переводы шедевров мировой литературы, которых ещё не было в русских переводах. Думаю, через прочитанную литературу польский язык врос в моё сознание, может, подобно тому, как он вращается в сознании ребёнка до его встречи с учителем и учебником. Поэт тоже обратил внимание на мою речь и произношение. Он сказал: «Вы

произносите твёрдое «л» так, как до Второй мировой войны это делали старые актёры и как учили произносить молодых актёров». Свободно звучащая польская речь в беседе на разные темы с человеком из «глубины сибирских руд», где Поэт и сам побывал в возрасте полутора лет, чем-то привлекли и заинтересовали пана Чеслава и он захотел продлить наше общение. А дальше случилось то, что случилось.

Через год я привёз Милошу полностью переведённую книгу «Это», включая все рифмованные стихотворения. За этим фактом скрывается ответ на третий вопрос из ряда обычно задаваемых. Но всё дело в том, что, строго говоря, ответа на него я не знаю. Личное обаяние Поэта и потрясение, испытанное мной при чтении стихов этой книги, вызвали такой созвучный отклик в моей душе, что я чуть ли не автоматически стал воспроизводить прочитанный польский текст на русском языке. Потребовалось какое-то время, чтобы подступить к переводу рифмованных стихотворений, но, кажется, и этот серьёзный барьер был преодолён, что немало удивило и меня самого.

Тогда же, уже в 2001 году, Милош первым делом познакомил меня с главным редактором журнала «Новая Польша» профессором Ежи Помяновским, и в осеннем номере журнала появилась первая публикация моих переводов стихотворений из книги «Это». В 2003 году вся книга в формате билингвы вышла в Москве, в издательстве ОГИ («Объединённое гуманитарное издательство»), и Милош держал её в руках, а профессор Иоанна Зах из Ягеллонского университета вспоминает, как читала ему переводы из неё. Поэту нравилось, как его стихи звучат по-русски в этих переводах. Это была уже вторая переведённая мной стихотворная книга Милоша. До этого, на рубеже 2002–2003 годов, краковским издательством «Wydawnictwo Literackie» была издана поэма «Орфей и Эвридика» в пятиязычном формате: на польском, английском, немецком, русском и шведском языках.

Так я, совсем того не планируя, стал переводчиком Чеслава Милоша после знакомства с ним. Однажды кто-то из знакомых спросил меня: «А сколько раз ты встречался с Милошем?» Я задумался и понял, что на этот вопрос не могу ответить. И только после выхода из печати в 2015 году книги Агнешки Косинской «Милош в Кракове» я всё же смог, пусть и

приблизительно, судить об этом. В авторском указателе книги, в которой более семисот страниц, рядом с моим именем – столбик номеров страниц, где оно упоминается. Их около 30, и на каждой указана дата и описано, что происходило в указанный день. Как сказала мне Агнешка: «Ты – один из героев этой книги». На это я не рассчитывал, но случилось именно так. Цитировать лестные для меня высказывания не буду. Просто скажу, что Милош признал меня «своим».

А.Д.: Известно, что Милош, особенно в последние годы своей жизни, очень внимательно, придирчиво и трепетно следил за качеством переводов своих стихов на русский язык – сталкивались ли вы с этим контролем, и были ли у вас и Милоша разногласия по поводу переводов?

А.Р.: Вы сказали, следил внимательно и придирчиво. Я бы хотел уточнить. Не только за переводами на русский следил Милош. Следил внимательно, но никак не придирчиво. Придирчиво означает необоснованно, несправедливо, а это не так. Милош обосновывал свои замечания. К примеру, говоря о французских переводах его поэзии, он писал: «Во французском для любых сочетаний слов, которые мы [поэты], ища своего выражения, слагаем с трудом, есть готовые формулы и, очевидно, отсюда склонность переводчиков к использованию этих формул. Я: «в начале мира», переводчики: „à l'aube du monde“. Но à l'aube означает: на заре, на рассвете, что банально». Иными словами, Милошу не нужны метафоры, эти готовые формулы. Поэзия для него – это погоня за Действительностью. Здесь нет придинок, это сигнал к тому, что переводчик не учитывает суть этой поэзии. А Милош, как Автор, тем более, чётко формулировавший цель и задачи своей поэзии, имел право делать замечания даже самым известным переводчикам.

Что касается разногласий. Поэт чаще всего спрашивал, почему я выбрал то или иное слово или выражение, зачем употребил инверсию, нельзя ли поискать другую рифму, но разногласий несогласованных не было, так как переводчик, ваш покорный слуга, понимал, что и в переводе Милош должен оставаться Милошем. А Милош это подтверждал.

Поэт никогда сам не принимал решений и не указывал конкретно, какие слова или выражения я должен применять, только задавал

вопросы и говорил лишь о том, как, по его мнению, должно выглядеть то или иное место стихотворения. Но право принять окончательное решение практически всегда оставалось за мной.

Однажды произошёл такой важный для меня разговор с Агнешкой Косинской. Я как-то пожаловался ей: «Ты знаешь, *Mistrz* (Мастер) стал задавать мне меньше вопросов». На что она ответила: «Он тебе доверяет». Признаюсь: вместо того, чтобы обрадоваться, я испытал даже лёгкое разочарование – мне хотелось, чтобы Милош делал больше замечаний, и тем самым хотя бы частично делил со мной ответственность за перевод. Но замечаний было не больше, чем было, то есть, немного. А я всё делал так, как подсказывала мне интуиция, и старался учитывать мнение Поэта.

Атмосфера наших встреч всегда была серьёзной. Даже когда разговор искрился юмором, это был разговор о серьёзном, каждый из собеседников ждал очередной встречи, чтобы вместе прожить отведённые нам полтора часа в незабываемой рабочей атмосфере.

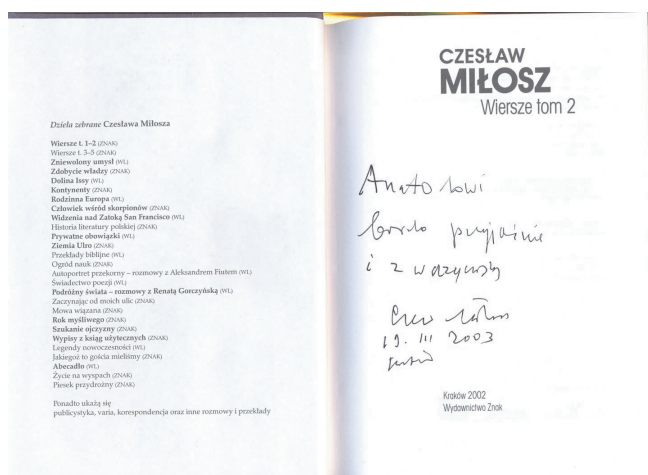
Разумеется, это было счастье взаимного переживания поэзии. Существование его стихов в зеркале другого языка было важным для Поэта, в знакомых ему языках он старался отслеживать качество перевода и был в этом отношении бескомпромиссным. Мне важно было услышать одобрение Поэта, ведь русский он знал лучше других языков, и его замечания были в высшей степени профессиональны. Об одном из таких замечаний я написал в первые дни после ухода Мастера, когда ко мне обратилась редакция еженедельника „*Tygodnik Powszechny*“ с просьбой написать отклик на это трагическое событие. Я написал его, и он был напечатан тогда же в приложении «Апокриф», посвящённом памяти Поэта. Из людей, связанных с Россией, в «Апокрифе» был опубликован также отклик на уход Милоша Натальи Евгеньевны Горбаневской.

А.Д.: Вы перевели и издали около двух десятков книг, не только поэтических, но и прозаических, и не только Милоша, но и других авторов. Кроме того, вам также принадлежат десятки других литературных публикаций в журналах и альманахах. Как вам удавалось сочетать такую активность в переводческом деле с вашей научной работой?

А.Р.: После университета я закончил

аспирантуру, получил научную степень и учёное звание, но исключительно наукой занимался не всё последующее время. Многие годы я преподавал теоретическую механику, объездил много городов Сибири и Дальнего Востока, где проводил занятия со студентами-заочниками, от Тобольска на западе до Находки на востоке и от Барнаула на юге до Якутска на севере. Работа преподавателя позволяла мне сочетать столь разные интересы.

Когда-то я рассказывал Милошу о том, как после занятий со студентами в Якутске, где зимой при мне температура не поднималась выше -42 градусов, я переводил его «Телогический трактат». Рассказ понравился Поэту, и он потом говорил об этом в одном из своих радиointервью в Кракове. А позднее мой знакомый, большой любитель русской литературы Витольд Войтонь, с которым мы когда-то познакомились в книжном магазине «Под глобусом» в Кракове, сообщил мне, что он слышал это интервью Милоша и знал, о ком в нём идет речь. А ведь я мог и не узнать об этом. Но всё-таки узнал! И сделал вывод: ничто не пропадает.

Надпись:

*"Anatolowi bardzo przyjaźnie i z wdzięcznością
Czesław Miłosz 19. III. 2003 Kraków"*

Перевод:

*«Анатолию по-дружески, и с благодарностью
Чеслав Милош 19. III. 2003 Краков»*

А.Д.: Какие трудности вы испытывали при переводе поэзии Милоша – я имею в виду строки из разряда «непереводимых» или, например, подбор правильной рифмы в его стихах, диалектизмы, длинные стихотворные строки, отсутствие определённой

ритмичности, да плюс ещё фонетический аспект языка...?

А.Р.: Вообще говоря, я предпочитаю поэзию переводить, а не говорить о ней или о так называемой «кухне перевода». Кого интересуют рассуждения о переводах поэзии, если результат потуг переводчика смехотворен? Говорить о поэзии и переводах – дело профессионалов, литературных критиков, обязанных иметь представление о широком и всестороннем пейзаже явления и обладать проницательным взглядом на явление в целом, чтобы уметь делать важные и достоверные выводы. И я помню слова Милоша о том, что поэзия является слишком стыдливым занятием, чтобы прилюдно рыться в её секретах.

О трудностях перевода, полагаю, интересно говорить только тогда, когда они преодолеваются и становятся не трудностями, а радостями перевода. Приведу один, на мой взгляд, любопытный пример.

В стихотворении Милоша *"Jeden i wiele"* («Один и много»), в строфе:

Jeden, przeciwko tabliczce mnożenia.
Szczególny, wolny od uogólnienia.
Bez rąk i oczu, jednak rzeczywisty.
Nie odsłonięty, ale co dzień isty.

вижу и слышу вторую строчку: *Szczególny, wolny od uogólnienia*.

И в ней: *góln-, woln-, góln-* некоторое подобие тройственной аллитерации.

Подумалось: перевести такое стихотворение можно, но эту особенность оригинала, конечно, при переводе не передать. И вот я перевожу эту строфу на русский:

Один, против таблицы умноженья.
Особый, свободный от обобщенья.
Без рук и без глаз, но всему присущий.
Хоть и невидимый, но вездесущий.

И вижу и слышу ту же самую вторую строчку: Особый, свободный от обобщенья.

И в ней: *Особ-, своб-, обоб-* – тоже тройственная аллитерация.

Что это? Как это? Почему это? Те же строчки, по-польски и по-русски, там и там аллитерации, там и там необычные (хотя и разные) и тройственные. Совпадение? Случайное? Казалось, это непреодолимая

трудность перевода, а оказалась нечаянная радость. Разве это не тайна поэзии и не тайна перевода?

Перевод поэзии – именно поэзии! – фантастически интересное и увлекательное занятие, полное тайн и загадок, и разгадок их, и открытий.

А.Д.: Пан Анатолий, насколько возможно переводить поэзию, не будучи самому поэтом, а будучи «технарём» с совершенно другим устройством психики и логики, слуха, восприятия вещей и ритма стихотворения? Насколько мне известно, большинство переводчиков поэзии – сами поэты.

А.Р.: Переводить поэзию, не будучи самому поэтом, нельзя. Об этом ясно написал Николай Заболоцкий: «Хороший поэт может быть плохим переводчиком. Пример тому Тютчев. Хороший поэт может не иметь склонности к переводам. Пример тому Блок. Но плохой поэт не может быть хорошим переводчиком».

Речь не о том, что переводчик обязан быть поэтом в буквальном смысле. Сам переводчик может не писать стихов или писать их очень редко, но лира его души должна быть настроена по камертону поэтического восприятия мира. По-моему, только тогда переводчик имеет право прикасаться к подлиннику с целью его перевода на другой язык.

А.Д.: Пан Анатолий, по-вашему мнению – Милош больше поэт или писатель? Ваше любимое прозаическое произведение Милоша?

А.Р.: Для меня ответ на этот вопрос очевиден. Милош прежде всего – поэт. И, выступая в роли мыслителя или автора прозы, он остаётся поэтом. У Милоша был период поэтического молчания. Тогда он, можно сказать, по принуждению обстоятельств обратился к художественной прозе, которую писал как поэт, это чувствуется. И написал её очень мало, не в этом видя своё предназначение художника. Но эссеистика Милоша, которой он уделял гораздо больше внимания, и в которой выступал уже в качестве мыслителя, для меня не менее поэтична, чем его художественная проза. И в ней я нахожу замечательные поэтические куски, и всегда с удовольствием ныряю вместе с Автором в лабиринт длинных предложений, из которых Милош всегда, не теряя логических нитей повествования, с виртуозным изществом выныривает. Разумеется, и я вместе

с ним – с непередаваемым эстетическим удовольствием.

Я не раз слышал от Милоша слова: «Я слишком много написал». Но это была форма его существования – описывать мир. Здесь будет нелишним вспомнить, что Бродский называл Милоша одним из крупнейших поэтов современности. И добавил: если не крупнейшим. Так что, повторяю, ответ на ваш вопрос для меня очевиден: Чеслав Милош – Поэт. Именно это с более чем выразительным лаконизмом написано на саркофаге в монастыре «На Скалке», в Пантеоне великих поляков, где упокоился Милош.

А.Д.: Милош переводил со многих языков, но всегда писал только по-польски, и никогда не переводил с русского языка на польский и с польского – на русский. Как вы думаете, почему?

А.Р.: В 90-х годах прошлого столетия Милош собрал и издал книгу «Выдержки из полезных книг», для которой сам перевёл стихи поэтов разных народов и разных по времени творчества: от Древнего Китая до современных. Это были стихи, которые Милош считал полезными для современного человека. Среди них одно стихотворение Бродского, которое перевёл Милош (второе стихотворение Бродского в этой книге перевёл на польский замечательный, если не гениальный, переводчик Станислав Бараньчак). Бродский перевёл на русский много больше – шесть стихотворений Милоша, в том числе знаменитое стихотворение «Дитя Европы», включающее восемь частей.

Наверное, ответ на ваш вопрос можно было бы построить на рассуждениях о различиях русской и польской поэтических просодий, и о связанных с этим опасениях Милоша, но всё это будут домыслы, гипотезы, догадки, а не утверждения. Для меня тот факт, что Милош практически не переводил с русского на польский, гораздо важнее, чем то, по каким причинам он этого не делал.

А.Д.: Как известно, Милош прожил долгую жизнь, наполненную историческими событиями: Российская империя – Первая мировая война – революции 1917 года – «красный террор» – Вторая мировая война – оккупация – эмиграция – возвращение в свободную Польшу... Во время ваших встреч в Польше и работы

над переводами вспоминал ли Милош своё детство и события в дореволюционной России?

А.Р.: Вспоминал. В начале двухтысячных мы сидели с паном Чеславом в комнате, где висела знаменитая и важная для Милоша фотография, сделанная в 1913 году на палубе судна *“Correct”*, прошедшего северным морским путем и вошедшего в устье Енисея. На ней можно увидеть отца поэта, Александра Милоша, руководителя экспедиции норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена и других её участников. Почти 10 лет спустя судьба приведёт меня в город Енисейск, куда добрались участники упомянутой экспедиции, и я увижу мемориальную доску, посвящённую этому событию, произошедшему в то время, когда маленький Чеслав (ему было тогда два года) находился с матерью в Красноярске.

В той же комнате висел и портрет Эли, которая была предметом любовной страсти молодого Милоша, в платье цвета индиго, какой он её и описал в своих поздних стихах. Рассказывал пан Чеслав немного о детстве, о пребывании во Ржеве, о своих ровесниках Яшке и Соньке, с которыми во дворе он разговаривал по-русски, а дома с родными – по-польски, таким образом постоянно находясь в языковом многоголосье.

Но, правду сказать, таких отвлечённых разговоров было мало. То, о чём вы спрашиваете, подробно описано в книге Александра Фьюта «Беседы с Чеславом Милошем» (Новое издательство, Baltrus, Москва, 2006) в моём переводе. Собственная биография и соотнесение её с событиями более общего и даже мирового масштаба были предметом постоянного внимания Милоша, что отражалось в его творчестве.

Всё было там, в его стихах и прозе. А мы встречались для серьёзной работы над переводами стихов, и я всегда должен был помнить, что мы должны уложиться в полтора часа. Поэтому неспешных разговоров и воспоминаний за чашечкой кофе было немного. В первую очередь, наши встречи были работой. Времени было мало. И в конкретном смысле (я приезжал и приходил ненадолго, максимум на полтора часа), и в обобщённом смысле (времени было мало). Но счастье, что оно всё-таки было.

А.Д.: Не зная биографии Милоша, возможно ли неискушенному читателю понять, о чём он пишет и повествует в своих стихах и произведениях?

А.Р.: Вот одно из первых, переведённых мной ещё в 2000 году, стихотворений Милоша:

ФОКУСНИК

Фокусник, раскладывая свои инструменты.

Высокое эхо возвращается с гор,
слышен грохот весенних потоков.

Детским глазам, как когда-то твоим,
в первый раз предстаёт красота земли.

Фокусник, ты воздвигаешь звезду,
которая странствовать будет
по небу новорождённых.

В то время, как ты удаляешься без сожаленья,
размышляя о том, как трудно
было прожить жизнь.

И осознать, что мы получаем не то, что хотели,
и что две наивысшие добродетели –
смирение и упорство.

И что сознание не дает утешения, ибо это
сознание шута, кувыркающегося на сцене
и жаждущего аплодисментов.

Ты приобрёл нежеланное знание
о себе и других, наполнился до краёв
жалостью и восхищеньем.

Пусть те, кому предстоит дальше тянуть
эту лямку, начинают там, где закончил ты,
мастер побеждённого отчаяния.

Восхваляющий, обновляющий, исцеляющий,
благодарный за то, что были для тебя
и будут для других восходы солнца.

Я не уверен, что найдётся читатель, который скажет, что не понял, о чём идет речь в стихотворении. Знание биографии или каких-то жизненных обстоятельств, сопровождавших Поэта, напрямую, непосредственно, не связано с восприятием стихотворения. Переводы, как и подлинники, должны говорить сами за себя. Если это не так, то никакие подпорки и ничто читателю уже не поможет. Любому читателю, а неискушённому больше всех, нужен хороший перевод, это главное.

А.Д.: Пан Анатолий, каким принципам вы следуете при выборе произведений Милоша для перевода? «Нравится – не совсем нравится», период написания поэзии, тематика, события, актуальность, другое?

А.Р.: Вы хотите узнать, что происходит на творческой кухне переводчика? Главное – результат, трогает он читателя или нет, сообщает ли ему то, ради чего стихотворение было написано? Никогда не перевожу стихи последовательно, как в книге, в которой они изданы, одно за другим. Обычно листаю в который раз страницы книги, пока какая-нибудь строчка, слово или их сочетание не блеснёт по-новому, не зацепит мысль, сердце, душу... точно не скажу, не знаю. Скажем, встречаю очень милошевскую строчку:

Вчера это было, а было ль, не знаю.

И этого достаточно, чтобы начать «раскручивать» перевод стихотворения в одну и в другую сторону от этой строчки. Но что бы это ни было – стихи или проза – произведение прежде всего должно захватить, увлечь меня, дать почувствовать пульсацию мысли Автора, помочь поймать волну его дыхания и сердцебиения. Вспоминаю, как я перевёл понравившееся мне небольшое эссе Милоша под названием «Счастье», и оно было напечатано в журнале «Новая Польша». Потом выяснилось, что русский текст эссе заинтересовал также известных философов в России, и в итоге оно было перепечатано в московском журнале «Культурно-историческая психология» (2006, № 2). Не могу сказать, каким принципам при выборе я следовал, но ясно, что выбор оказался правильным. Разумеется, такая независимая оценка стала для меня приятной неожиданностью. Как и включение моего перевода стихотворения «Ода на восьмидесятый день рождения Иоанна Павла II» в сборник трудов Папы Иоанна Павла II «Постижение любви» (Издательство Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Москва, 2011).

А каким я следую принципам не при выборе, а при работе над переводом – вопрос второстепенный, и провозглашать эти принципы, считаю, было бы делом нескромным.

А.Д.: “*Rodzinna Europa*” была

переведена на многие европейские языки, например: “*Europa familiare*” (итальянский), “*La mia Europa*” (итальянский), “*Une autre Europe*” (французский), “*Otra Europa*” (испанский), “*Druga Evropa*” (сербско-хорватский), “*Native Realm*” (английский) и другие. Почему, на ваш взгляд, существует такой большой разброс в переводе названия этой книги? Разное восприятие переводчиками смысла и лейтмотива книги автора?

А.Р.: В этой книге Милош вглядывался в себя и в свои корни, в своё прошлое, самоидентифицируя себя, как восточного европейца, и старался показать, что краешек земли, на которой он родился и вырос, это Восточная Европа. Поэтому название книги “*Rodzinna Europa*” по-русски «Родная Европа» (имеется в виду очень близкая, я бы даже сказал – родимая). Но для жителей коренной настоящей Европы то, что описано Милошем, это – нечто другое, отличающееся, специфическое. Поэтому во Франции, Испании, Хорватии название книги – «Другая Европа», и это отражает указанное отличие в восприятии её содержания.

А.Д.: Какой пласт духовного и мировоззренческого наследия Милоша импонирует вам больше всего?

А.Р.: Меня чарует ясность высказываний Милоша, в каком бы месте его наследия я её ни встречал. Хотя при этом смысл его высказываний в целом может оставаться загадочным. Для меня Милош – цельная фигура, и даже не фигура, а – скажу, как говорят в Польше – континент Милош.

А.Д.: Существует значительная прослойка людей в Польше, в литературных кругах да и в интернет-сообществе, считающих, что Милош – ненастоящий поляк: родился в Российской империи, жил сначала в Литве, потом во Франции и США; в Википедии назван американцем польского происхождения, был критиком поляков и польского менталитета с непонятной «предрасположенностью» к русским, леваком и противником польского национализма... А как считаете вы, пан Анатолий?

А.Р.: Не знаю, откуда эти сведения, что прослойка людей в Польше, о которой вы говорите, значительна. Она есть, это правда, но есть и другая Польша, людей, которые считают, что не было и нет более настоящего

поляка, чем Чеслав Милош. Хорошо знаю, о чём идет речь, в печальные дни ухода Поэта в августе 2004 года я находился в Кракове, более того, я оказался одним из тех, с кем Милош захотел проститься и выразил желание, чтобы я пришёл. Минут через сорок после звонка из квартиры Милоша я сидел у постели пана Чеслава, держал его за руку и читал ему его стихи, три стихотворения из поэмы «Мир». Это было 11 августа, до 14 августа оставалось три дня.

Тогда и началась вакханалия вольности, и упомянутая прослойка людей, пользуясь широко рекламируемым понятием толерантности, подняла постыдный шум о ненастоящем поляке. Милош прожил сложную жизнь, и чашу страдания, и чашу восторга испил сполна. Но кто дал право кому бы то ни было навешивать ярлыки и решать, кто – образцовый поляк, а кто – нет? Милош и в эмиграции оставался поляком, чувствовал себя ответственным за польскую литературу. Противником польского национализма, да, был. Да, родился в Российской империи. Ну и что? Прославил Польшу, как, может быть, никто другой. По-моему, мог бы с успехом участвовать в конкурсе на звание Поляк Тысячелетия, а уж столетия – и подавно.

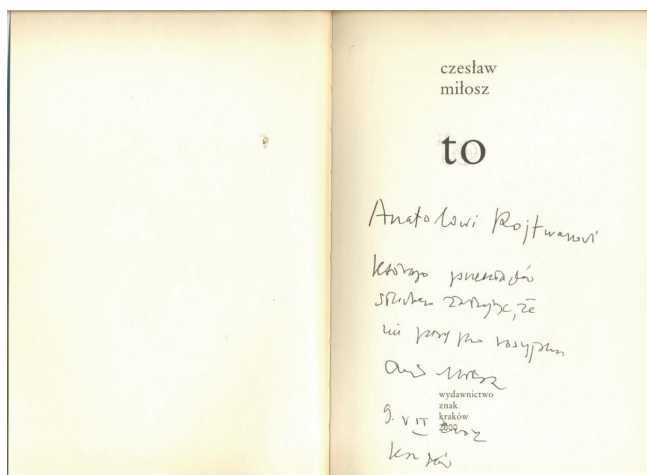
А.Д.: Один из наших читателей просил задать вам вопрос: в какой последовательности неискущённому читателю в России вы бы рекомендовали начать знакомство с творчеством Чеслава Милоша, а конкретней – с какими стихотворениями и прозой в переводах на русский язык?

А.Р.: Я могу говорить только о поэзии, высшей форме творчества Милоша, и у меня есть только свой собственный опыт её чтения (и прочтения, ведь перевод – это уже интерпретация). И рекомендации неискущённому, как вы говорите, читателю могу дать лишь самого общего толка. Мне кажется, имело бы смысл начать с поэмы «Мир», имеющей подзаголовок «Наивная поэма». Да, несомненно. Двадцать рифмованных стихотворений, с точной и регулярной рифмой, привычных по форме, понятных по смыслу, не чуждых по звучанию «русскому уху», с чего же начинать, как не с этой замечательной поэмы? Затем рифмованные стихи, их у Милоша сотни. И только потом – верлибры, менее привычные русскому читателю. А впрочем, можно

начинать с любого произведения, главное – чтобы перевод был достойным. Тогда и читатель сможет стать соавтором Поэта, и это уже дело его, читательского, мировосприятия, вкуса, готовности к новому и прекрасному.

А.Д.: На ваш взгляд, в чём состоит исключительность творчества Милоша, принёсшего ему признание и Нобелевскую премию по литературе?

А.Р.: Ёмко и афористично сказал об этом Иосиф Бродский: «Огромная сила поэзии Чеслава Милоша заключается в том, что он понял необходимость трагической интонации, трагедия же века в том, что он снабдил поэта необходимым опытом для её выражения». Лучше не скажешь.

Надпись:

*"Anatolowi Rojtmanowi, którego przekładów
słucham żalując, że nie piszę po rosyjsku.
Czesław Miłosz 9. VII. 2002 Kraków"*

Перевод:

*«Анатолию Ройтману, чьи переводы
я слушаю, сожалея, что не пишу по-русски.
Чеслав Милош 9. VII. 2002 Краков»*

А.Д.: От имени читателей журнала «Jedność» спасибо большое, Пан Анатоль, за ваше время и беседу.

А.Р.: Всем желаю успеха!

ТЕКСТ: АРСЕНИЙ ДОЛГОВ

Życie polonijne Полонийная жизнь

Uroczysty koncert

25 sierpnia 2023 r. Związek Organizacji Polskich „Jedność” w moskiewskiej Bibliotece nr 34 im. A. A. Wozniesieńskiego zorganizował uroczyste spotkanie Polonii, w którym wziął udział Ambasador Krzysztof Krajewski z małżonką.

Bogaty program artystyczny wieczoru obejmował koncert polskich pieśni patriotycznych, ludowych, religijnych oraz z gatunku muzyki popularnej, w tym m.in. utwory Czesława Niemena, Krzysztofa Krawczyka, Czerwonych Gitar w wykonaniu Polonii z Rostowa nad Donem i Krasnodaru. Pięknym i podniosłym akcentem było brawurowe wykonanie Poloneza przez polonijnych artystów.

W wydarzeniu uczestniczyli także konsulowie Sławomir Łuczak, Anna Domska-Łuczak, prezes Związku Organizacji Polskich „Jedność” Aleksander Sielicki, prezes moskiewskiej organizacji „Jedność” Marina Łaktaewa, prezes Woroneskiej „Jedności” Konstanty Woronin oraz liczne grono przedstawicieli Polonii z Krasnodaru, Moskwy, Rostowa nad Donem i Woroneża.

VI Forum Światowego Stowarzyszenia Mediów Polonijnych w Warszawie

W dniach 22-24 września 2023 r. w Warszawie odbyło się VI Forum Światowego Stowarzyszenia Mediów Polonijnych.

Oprócz inauguracji w Kancelarii Prezesa Rady Ministrów z udziałem Pełnomocnika Rządu ds. Polonii i Polaków za Granicą, ministra Jana Dziedziczaka, ramowy program objął m.in. tematy

takie jak: „Dziennikarstwo w erze cyfrowej”, „Narzędzia pracy dziennikarskiej”, „Jak korzystać ze sztucznej inteligencji”, „Jak szkolić młodych dziennikarzy”.

Związek Polskich Organizacji „Jedność” reprezentował na Forum Wiceprezes Polonii Kubania Jan Karbownicki – wieloletni dziennikarz, tłumacz, autor, fotograf, redaktor pism „Wiadomości Polskie” (Krasnodar) i „Jedność” (Moskwa).

Pod redakcją J. Karbownickiego ukazały się w języku rosyjskim dwie książki Karola Olgierda Borchardta – „Znaczy Kapitan” i „Krążownik spod Somosierry” (tłumacz – Aleksander Korwin Piotrowski, Krasnodar).

Będąc z pasji specjalistą w dziedzinie falerystyki polskiej (specjalizacja – epoka PRL) J. Karbownicki również opracował i opublikował artykuły „Historia orderu Virtuti Militari” oraz „Z historii nagród polskich”, jest autorem innych prac związanych z ww. tematem.

*Spotkanie z pełnomocnikiem Rządu do Spraw Polonii i Polaków za Granicą, sekretarzem stanu w Kancelarii Prezesa Rady Ministrów Ministrem Janem Dziedziczakiem.
Nasze czasopismo – „Wiadomości Polskie”
dociera nawet do KPRM.*

Będąc również znawcą współczesnej popularnej kultury polskiej, przeprowadził i opublikował na łamach „Wiadomości Polskich” szereg ciekawych wywiadów z gwiazdami kinematografii i muzyki, m.in. z Markiem Gaszyńskim, Krzesimirem Dębskim, Jerzym Petersburskim, Jackiem Bromskim, jest autorem artykułów na temat twórczości Czesława Niemena, którego uważa za najważniejszego z muzyków polskiego roku w wieku XX.

Polonijne spotkanie wigilijne w Moskwie

W dniu 23 grudnia 2023 roku z okazji nadchodzącej Wigilii Bożego Narodzenia odbyło się świąteczne uroczyste spotkanie członków Związku Organizacji Polskich „Jedność” (Prezes Oddziału w Moskwie pani Maryna Łaktajewa).

Podstawę programu stanowiły jasełka, którym towarzyszyło śpiewanie tradycyjnych polskich kolęd, przedstawiających narodziny Jezusa Chrystusa. W charakterze aktorów wystąpili głęboko zaangażowani członkowie moskiewskiego Oddziału ZOP „Jedność”. Reżyserii widowiska dokonała pani Katarzyna Moskalowa-Potiomkina, która naucza języka polskiego oraz jest Wice-Prezesem Oddziału.

W charakterze gościa honorowego obecny był Kierownik Wydziału Konsularnego i Polonii Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie pan Sławomir Łuczak oraz Konsul do spraw Polonii pani Anna Domska-Łuczak.

Pan Sławomir Łuczak przywitał obecnych oraz złożył pozdrowienia świąteczne w imieniu Ambasadora Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej pana Krzysztofa Krajewskiego oraz w swoim własnym imieniu. Zwracając się do zebranych członków Związku Organizacji Polskich „Jedność” pan Łuczak szczególnie podkreślił, że w okresie przedświątecznym ludzie podsumowują wyniki roku upływającego. Jest to okres nadziei, okres snucia planów życiowych na przyszłość. Okres przygotowywania prezentów gwiazdkowych, na które czekają nie tylko dzieciaki, lecz również osoby dorosłe.

Zakończenie obchodów nadchodzącej Wigilii nastąpiło przy stole świątecznym, składającym się z tradycyjnych dań wigilijnych, przyrządzonych przez członków moskiewskiej „Jedności”. Poczetne miejsce zajmował symbol świąt – szopka.

TEKST: OLGA DUBIAGINA

Spotkanie z Seniorami moskiewskiej Polonii

27 stycznia 2024 r. Ambasador Krzysztof Krajewski wraz z Konsulem Sławomirem Łuczakiem oraz p. o. Dyrektora Instytutu Polskiego Anną Szafernaker-Świrko spotkał się z Seniorami moskiewskiej Polonii.

Spotkanie Klubu Seniora pt. „Polskie tradycje zimowe”, które odbyło się w Bibliotece im. A. Wozniesieńskiego w Moskwie, rozpoczęło się minutą ciszy. Zebrani uczcili pamięć zmarłych niedawno członków moskiewskiej Polonii – śp. pani Klementyny Klimowej oraz śp. pani Ludwiki Turowskiej.

W swoim przemówieniu Ambasador wyraził szacunek dla pań, które odeszły. Następnie podkreślił istotną rolę Seniorów w przekazywaniu młodszemu pokoleniu wiary i tradycji przodków, życzliwości, a także dzielenia się dobrem. Wyraził swe uznanie dla zaangażowania przedstawicieli Polonii w docenianie tradycji i popularyzację polskości. Podziękował za pozytywną energię i optymizm, którym Gospodarze spotkania, pomimo różnorodnych trudności, niezmiennie emanują.

Przywołane w trakcie spotkania tradycje, wspólne kolędowanie, wiersze o tematyce świątecznej pozwoliły przywołać i przedłużyć atmosferę Świąt Bożego Narodzenia. Ważnym akcentem były świadectwa opowiedziane przez niektóre uczestniczki wydarzenia, które zechciały podzielić się z osobistymi relacjami ze swojego życia, pełnego ciężkich doświadczeń, osadzonego w tragicznej historii XX wieku. Dzielenie się wspomnieniami związanymi z obchodzeniem świąt Bożego Narodzenia było dodatkowym miłym akcentem podczas spotkania.

Współorganizatorem spotkania był Związek Organizacji Polskich „Jedność”.

Старый город-бастион

Stare miasto-bastion

Познань является одним из самых интересных городов Польши. Расположен он просто идеально – практически на одинаковом удалении от моря, гор, Варшавы и Берлина. Это центр науки, туризма, экономического развития, и, в конце концов, именно в Гнезне (*Gniezno*), 40 километров от Познани, зародилось польское государство.

Количество древних строений в Познани просто изумляет. Временами ловишь себя на мысли, что из-под асфальтового покрытия проглядывает древняя брусчатка, а под отбитой штукатуркой дома – трёхсотлетний бордовый кирпич или натуральный гранитный камень. Невероятной красоты каменицы с более чем двухсотлетней историей – само очарование Европы.

И вот мы приближаемся к самому большому парку Познани – Цитадели (*Cytadela*). Несмотря на наличие современных произведений искусства (к примеру, скульптурная композиция знаменитой польской художницы и скульптора Магдалены Абаканович) и искусных ландшафтов, чувствуется присутствие древности. Под корнями раскидистых деревьев угадываются стены и рвы старинного форта.

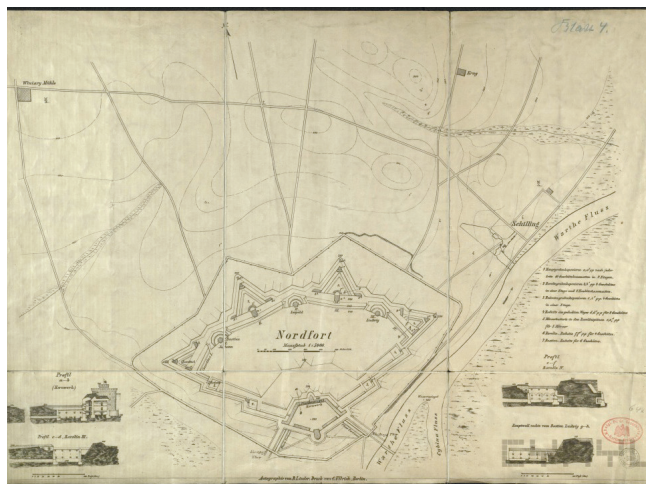
Скульптурная композиция Магдалены Абаканович

Ранее парк Цитадель носил название «Форт Виняры». Это самая высокая точка города, укрепленная со всех сторон мощнейшими стенами. Только падение форта Виняры во времена Второй мировой войны позволило

немецким войскам захватить Познань после длительной осады.

Историки считают, что форт был построен в период с 1828 по 1842 годы. Рассматривая старые чёрно-белые фотографии, невозможно не обратить внимание на то, что форт был крупным сооружением, охватывающим почти четверть старого города.

Со всех пяти сторон форт был окружён мощнейшими стенами толщиной до 1,5 метров, а высота их в надземной части достигала 20 метров. Сколько метров составляла подземная часть форта – по старым фотографиям установить трудно, известно только, что они были и служили хранилищами пороха, оружия, продовольствия; подземные переходы позволяли безопасно добраться под землёй из одного места в другое.

План форта Виняры.

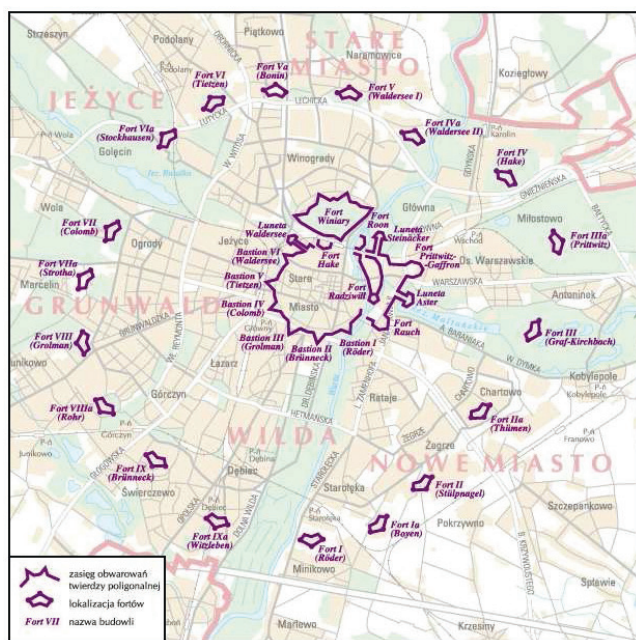
Источник: <https://cyryl.poznan.pl/>

На старой карте Познани форт Виняры носит название «Норд форт» (северный форт), то есть, он являлся не отдельным объектом, а северной частью более грандиозного сооружения, под защитой которого располагался практически весь город.

Помимо пятиугольного форта Виняры мы можем разглядеть ещё несколько бастионов, которые образуют между собой **пятнадцатиугольную звезду**. На значительном удалении от крепости – звезды располагаются многочисленные форты, которые

хорошо сохранились и в наши дни. С точки зрения искусства ведения боя именно «звёздчатая» форма является оптимальной для ведения обороны и отражения атак.

Сколько же всего фортов вокруг Познани? По данным историков, насчитывается 9 основных и 9 промежуточных. Все они датируются 1877 – 1890 годами постройки, расположены на практически одинаковом удалении друг от друга. Эти форты были окружены сухими рвами шириной десять метров и глубиной восемь метров. По обе стороны располагались камеры, соединённые с фортом. Рядом располагались 5 аварийных укрытий и склады для боеприпасов.

Форты Познани

Темпы строительства фортификационных сооружений, а также их количественные и качественные характеристики просто поражают.

Во времена постоянных набегов и войн за территорию условием выживания каждого крупного города были именно крепкие стены, запасы, ну и, конечно, гениальность полководцев.

Крепости-звёзды (их ещё называют звёздчатыми крепостями) – очень распространённое явление в архитектуре. Их остатки уже не так приметны обычным путешественникам. Но если создать запрос в любой поисковой системе, можно найти просто огромное количество «звёздчатых крепостей».

По скромным подсчётам их более шестисот только в Европе!

Остатки одной из крепостей

Хотелось бы ещё уточнить, что Познань, как и большая часть Европы, расположена на равнинной местности. Добыча природного камня возможна только в горных регионах, то есть доставка с учётом веса и количества, заняла, несомненно, очень длительный отрезок времени.

Познань – древний город с длинной историей. И часть его истории можно «прочитать» именно по руинам бастионов. Те гранитные гиганты, возможно, помнят шведскую оккупацию 1655-1657 годов. А эта стена, причудливо «слеппенная» из камня, кирпича разного цвета и бетона, встречала своей грудью пули и снаряды II мировой войны.

Камни древних бастионов в настоящее время можно легко встретить как часть ландшафтного дизайна современного города. Более мелкие гранитные фрагменты активно использовались жителями при строительстве домов, ограждений и мощении дорог.

При планировании следующей поездки в крупные старые города Европы обязательно найдите информацию о таких крепостях на их территории. С большой долей вероятности часть из них сохранена или включена в современный парковый ансамбль. Усилия наших славных предков по возведению и защите своих городов стоят внимания и уважительного к ним отношения.

**ТЕКСТ: ЕЛЕНА ДЕМИДКО,
АНЕЛИЯ НАГОРНЫХ**

Писатель-историк Павел Ясеница

Pisarz-historyk Paweł Jasienica

Леон Лех Бейнар (*Leon Lech Beynar*), более известный под псевдонимом Павел Ясеница (*Paweł Jasienica*) – польский историк, писатель, эссеист и публицист, автор популярных книг по истории Польши, родился 10 ноября 1909 года в городе Симбирске Российской Империи.

Исследователь жизни и творчества Павла Ясеницы, Збигнев Жбиковский (*Zbigniew Żbikowski*), придавал факту его появления на свет в том же городе, где родился будущий вождь пролетарской революции, Владимир Ульянов-Ленин, возможному знакомству его отца с Ильёй Ульяновым, а также тому обстоятельству, что в зрелые годы Леон указывал в качестве своего места рождения город Ульяновск, в который Симбирск был переименован после смерти Ленина, большое значение. Сам же Ясеница, однако, никаких комментариев по данному поводу не оставил, а о Симбирске вспоминал, как о городе огромных пространств и открытых человеческих сердец, где бок о бок жили переселенцы и ссыльные, завоеватели и беглецы, первооткрыватели и коренные жители приволжской степи – русские, татары, поляки, евреи, немцы и десятки других национальностей, образуя взаимопроникающие социальные и культурные круги.

Сложно сказать, насколько проведённое на Волге детство сказалось на формировании личности и дальнейшем жизненном пути Леона Бейнара, поскольку ему не было ещё и пяти лет, когда его семья, взбудораженная начавшимися в Европе политическими катаклизмами, решила перебраться на историческую родину, в Польшу. Родители Леона – Миколай Бейнар и Елена Малишевская – мечтали о берегах Вислы, но добраться семейству Бейнаров удалось только до Украины, где они прожили несколько лет, сначала в местечке под Уманью, а затем в Киеве. После революции 1917 г. им пришлось покинуть и это место

жительства и после непродолжительных, но тяжёлых мытарств оказаться в Вильно.

Здесь Леон окончил гимназию и поступил в университет им. Стефана Батория, где изучал историю – любимую науку, которой, в том числе, суждено было сделать его знаменитым. После окончания университета он работал учителем истории в гимназии, а позже получил должность диктора на Польском радио Вильно. Здесь же Бейнар начал карьеру эссеиста, публикуясь в консервативной газете *Słowo*, а также написал и выпустил в свет свой первый исторический труд, посвящённый королю Сигизмунду II Августу – *Zygmunt August na ziemiach dawnego Wielkiego Księstwa*. В 1934 г. он женился на Владиславе Адамович, а в 1938 г. у них родилась дочь Ева. Казалось, Леон прочно осел в Вильно, но тут в его жизнь вновь вмешалась война.

Павел Ясеница

(foto – Polonijna Agencja Informacyjna)

После вторжения вермахта в Польшу в сентябре 1939 г. Леон Бейнар был призван на фронт, где, как прошедший подготовку на младшего офицера, принял командование взводом. В сражении под Сандомиром он был взят в плен и отправлен во временный лагерь для военнопленных в Опатуве, откуда, однако, смог сбежать. Находясь на оккупированных территориях, Леон примкнул к подпольной

польской организации Союз вооружённой борьбы (*Związek Walki Zbrojnej*), позже ставшей известной, как Армия Крайова (*Armia Krajowa*), и продолжил борьбу с захватчиками. Помимо участия в вооружённом сопротивлении он также был редактором подпольной газеты.

В июле 1944 г. он вместе со своим отрядом принимал участие в операции «Остра Брами», целью которой было освободить Вильно от немцев. Вильно в результате продолжительных боёв, в которых приняли участие 5,5 тыс. солдат Армии Крайовой и 100 тыс. красноармейцев, был освобождён, советское руководство приняло решение о разоружении частей Армии Крайовой и переподчинении их Польской народной армии. Воюя в составе Пятой виленской бригады Армии Крайовой, Ясеница (Бейнар) был тяжело ранен и покинул бригаду перед самым её разоружением советскими войсками, найдя убежище и помощь в деревне Ясеница, у священника Станислава Фальковского, который прятал Леона в церкви за алтарём до тех пор, пока состояние его здоровья вновь не стало удовлетворительным.

К этому времени закончилась и война в Европе. Леон Бейнар отправился в Краков, где, как он узнал из подборок прессы, доставляемых ему в убежище Станиславом Фальковским, начал издаваться независимый римско-католический журнал *Tygodnik Powszechny*, посвященный политическим, религиозным, социальным и культурным вопросам, которые освещались с остротой и на высоком уровне дискуссии. Леон начал сотрудничать с этим изданием – сначала в качестве внештатного автора, однако быстро стал штатным сотрудником, а затем и одним из редакторов. Именно в это время он берёт псевдоним Павел Ясеница – в память о месте, где он оправлялся от ранений.

Новоиспечённому Павлу Ясенице конспирация помогла не сильно – в 1948 г. он был арестован польской госбезопасностью по подозрению в связях с бывшими участниками Армии Крайовой, не оставившими идеи сопротивления. Впрочем, в тюрьме он пробыл недолго – несколько недель, после чего был отпущен по ходатайству писателя и политика Болеслава Пясецкого, главы Ассоциации ПАКС (*Stowarzyszenie PAX*). Сыграло свою роль, безусловно, и то, что и сам Ясеница к этому времени стал довольно известным журналистом.

Из чувства благодарности он принял предложение Пясецкого перейти на работу в Ассоциацию ПАКС, которая выпускала ежедневное издание *Słowo Powszechne*. Для работы в его коллективе Ясеница переехал в Варшаву, где, помимо этого, публиковался в таких изданиях, как *Dziś i Jutro*, *Świat*, *Życie Warszawy*, *Po Prostu* и многих других. На конец 1940-х – 1950-х гг. пришёлся расцвет его известности как публициста и эссеиста, а также общественного деятеля – он стал директором польского отделения благотворительной организации *Caritas Internationalis*, членом, а затем и президентом литературного дискуссионного клуба *Crooked Circle*, который выступал за свободу слова и открытые дискуссии, вице-президентом Союза польских писателей и вице-президентом польского ПЕН-клуба. В то же время он возвращается к своему давнему увлечению – истории, пишет и публикует ряд популярных и научных работ: *Wisła pożegna zaścianek* (1951), *Świt słowiańskiego jutra* (1952), *Opowieści o żywej materii* (1954), *Chodzi o Polskę* (1956), *Archeologia na wyrywki. Reportaże* (1956), *Kraj Nad Jangtse* (1957), *Dwie drogi* (1959) и другие.

Однако подлинную известность в качестве писателя-историка Ясенице принесли книги, написанные в 60-е гг., когда он стал меньше внимания уделять журналистике и больше – работе над историческими трудами. В это время выходят его самые известные книги – о Польше Пястов (*Polska Piastów*, 1960), Польше Ягеллонов (*Polska Jagiellonów*, 1963) и трилогия о Речи Посполитой (*Rzeczpospolita Obojga Narodów*, 1967-1972), регулярно переиздающиеся до сих пор и неизменно попадающие в списки бестселлеров.

В 1970 г. Павел Ясеница скончался в возрасте 61 года. Он совсем немного не дождался ухода с поста генерального секретаря ПОРП Владислава Гомулки и избрания на эту должность Эдварда Герека, при более мягкой политике которого книги Павла Ясеницы снова стали издаваться и расходиться большими тиражами. Последняя из написанных им книг (*Polska anarchia*) вышла в 1988 г.

ТЕКСТ: ЕКАТЕРИНА ЛАКТАЕВА

Wojciech Chmielarz: kuchnia pisarska

Войцех Хмеляж: писательская кухня

Kilka lat temu wpadła mi do rąk detektywa Wojciecha Chmielarza „Wyrwa”. Szybko przeczytałam książkę. „Wyrwa”, opowiada o stracie, która popycha do rozpacz i wielkiego gniewu.

Zacząłam czytać książki tego autora: powieści o komisarzu Jakubie Mortce („Podpalacz”, „Farma lalek”, „Przejęcie” oraz „Osiedle marzeń”), trylogii („Wampir”, „Zombie” oraz „Wilkołak”), thrillery psychologiczne („Żmijowisko”, „Rana”), a także powieści sensacyjne „Prosta sprawa”.

Styl, którym posługuje się autor, jest lekki i przystępny w odbiorze. Nie brakuje w książkach dynamicznych i żywych dialogów, momentami przesyconych przekleństwami. W pewnym momencie tak się wciągnęłam, że nie chciałam odłożyć tej książki nawet na chwilę. Wraz z rozwinięciem całej akcji robiło się ciekawiej, wychodziły na jaw nowe fakty, które, chyba z dziesięć razy, zmieniały moje podejrzenie co do mordercy. Fabuła jest zawiła i została zbudowana tak by czytelnik zbierał na koniec szczękę z podłogi.

Wojciech Chmielarz jest autorem dość młodym. Urodził się w 1984 roku w Gliwicach, na Dolnym Śląsku. Z kilku wywiadów, które przeczytałam o nim w Polskiej publicystyce, dowiedziałam się, że przez całe życie marzył o zostaniu właśnie pisarzem, z wyjątkiem tego krótkiego okresu życia, gdy planował zostać detektywem. Bardzo ciekawe jest zobaczyć kuchnię pisarza. Wojciech wydaje co dwa lata nową książkę i pisze codziennie po kilka godzin bez przerwy.

W jednym z wywiadów Wojciech opowiada o wewnętrznych odczuciach związanych z jego twórczością: „Samo pisanie książki jest bardzo fajne, chociaż wymaga bardzo dużej dyscypliny i wytrwałości. Potem przychodzi czas na własną redakcję, kiedy czyta się książkę po raz pierwszy, drugi, trzeci, czwarty, aż zna się niemalże

każde zdanie na pamięć. To dość monotonna praca, którą jednak trzeba wykonać. Dopiero wtedy można wysłać propozycję wydawcy i oczekiwać na odpowiedź. Myślę, że każdy potencjalny autor musi się przygotować na to, że debiut nie przyjdzie mu łatwo. Trzeba naprawdę solidnie przysiąść i pracować. Ale warto. Pisanie to niewątpliwie kwestia dyscypliny. Trzeba się do komputera i pisać, bo prawda jest taka, że ten stan, kiedy całkowicie jest się skupionym na książce, na pisaniu nie przychodzi sam, trzeba go sobie wypracować. Niemniej, nie lekceważyłbym roli natchnienia”. (Wywiad z Wojciechem Chmielarzem – Portal Kryminalny)

Na swojej stronie na Facebooku napisał: „Jak piszę książkę, to zawsze zaczynam od planu, który jest pewnym kręgosłupem powieści. Drogowskazem, który pokazuje mi, gdzie mam iść i jak poprowadzić akcję. Ale jak w każdej pracy, okazuje się, że plan nie przystaje do rzeczywistości. Pewne rzeczy nie pasują, pewne wychodzą inaczej, inne nie działają tak, jak chcemy, a do tego podczas pisania wychodzą zwykle błędy”.

Pisarz ma już kilka nagród i wyróżnień. Wielokrotnie nominowany do Nagrody Wielkiego Kalibru, nagrodę tę otrzymał w 2015 roku za powieść „Przejęcie”. Jest także laureatem Nagrody Wielkiego Kalibru Czytelników za „Żmijowisko” oraz laureatem plebiscytu portalu Lubimyczytac.pl, Nagrody Złoty Pocisk i Grand Prix Festiwalu Kryminalna Warszawa za tę samą powieść. Publikował m.in. w „Pulsie Biznesu”, „Pressie”, „Nowej Fantastyce”, „Pocisku” i „Polityce”. Był redaktorem naczelnym portalu niwserwis.pl zajmującego się tematyką przestępczości zorganizowanej, terroryzmu i bezpieczeństwa międzynarodowego.

Wojciech jest bardzo nowoczesnym pisarzem, który prowadzi swoją stronę na Facebooku, nagrywa podcasty, tworzy filmy i aktywnie uczestniczy w promocji kryminałów.

TEKST: ANNA KOMAROWSKA

Фотовыставка Дануты Венгель

Wystawa Fotografii Danuty Węgiel

В декабре 2023 года состоялась фотовыставка известной польской портретистки Дануты Венгель.

Выставка проходила в Краковском форте Fort 52 „Borek”.

Форт 52 «Борек»

Сначала несколько слов об авторе фотографий.

Данута Венгель

Данута Венгель — польская художница, фотограф, портретистка, фотожурналист. Член Ассоциации польских художественных фотографов. Член правления Краковского округа ZPAF,

член Ассоциации польских журналистов.

Данута является автором и соавтором многих фотовыставок: индивидуальных, коллективных и постпленэрных мероприятий. В 2012 году она была принята в качестве полноправного члена Краковского округа в Ассоциацию польских художественных фотографов.

Первая фотография, которая встречает зрителя на выставке, — это портрет польского поэта и вокалиста Марцина Светлицкого.

Марцин Светлицкий (*Marcin Świetlicki*) — польский поэт, писатель и музыкант, родился 17 сентября 1961 года в Варшаве. Он известен своими поэтическими произведениями, в которых затрагивает различные темы, такие как социальные вопросы, политику, любовь и философию. Светлицкий также является фронтменом рок-группы "Lao Che", и его творчество часто сопровождается музыкой.

Марцин Светлицкий

Его стихи отличаются оригинальным стилем и часто содержат смешение жанров и образов. Он получил признание как внутри страны, так и за её пределами.

На снимке Дануты Венгель Марцин представляется в загадочном и

интригующем образе, видна только половина его лица, а вторая скрыта большим листом.

В необычном для писателя облике представлен Ежи Пильх.

Ежи Пильх — польский писатель, известен своим вкладом в современную польскую литературу. Он был частью «Поколения 1956 года» — группы писателей, чьи творческие работы отражали изменения в польском обществе после событий 1956 года.

Ежи Пильх часто обращался к историческим и социальным темам в своих произведениях. Его произведения включают в себя романы, эссе, статьи и драмы. Один из его наиболее известных романов — «Белые платья» (1960), который рассказывает историю любви в трудные времена.

Ежи Пильх

Также писатель активно участвовал в общественной жизни и поддерживал демократические идеи. Важно отметить, что Пильх писал на темы, связанные с польской историей и культурой, и его творчество является значимым элементом польской литературы.

Данута Венгель запечатлела писателя счастливым и возможно слегка удивлённым — со спущенными на нос очками и сигаретой во рту.

Анджей Стасюк — польский писатель и эссеист. Он известен своими произведениями, в которых затрагивает темы истории, политики и культуры. Некоторые из его известных произведений — это «Птицы в клетках» („*Ptaki w klatkach*”) и «Между миром и войной» („*Między*

światem a wojną”). В своих работах Стасюк часто обращается к исследованию человеческого опыта, и его стиль отличается глубоким философским подходом. Успех Стасюка в литературе принёс ему репутацию одного из важных современных писателей на постсоветском пространстве.

Анджей Стасюк на снимке выглядит вовлечённым в беззаботную беседу под деревом в парке.

Анджей Стасюк

Магдалена Тулли — польская писательница и переводчица, одна из ведущих представителей польской литературы, её книги переведены на английский, французский, немецкий, русский и многие другие языки. Одно из самых известных её произведений, заслужившее несколько литературных наград — это «Итальянские шпильки» („*Włoskie szpilki*”).

Данута запечатлела Магдалену вдохновлённой и умиротворённой, приклонившейся к клавишам фортепиано.

Магдалена Тулли

Лешек Собоцкий — польский живописец, график, эссеист, поэт. Он — участник

независимого культурного движения, живёт и работает в Кракове. Художник участвовал более чем в 200 коллективных выставках в Польше и за рубежом.

Лешек Собоцкий запечатлен на фотографии танцующим в своей мастерской.

Лешек Собоцкий

Одним из центральных портретов выставки является портрет Виславы Шимборской.

Вислава Шимборская – выдающаяся польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии по литературе 1996 года. Шимборская была известна своим уникальным стилем, глубоким мышлением и чувством юмора.

Её творчество охватывает широкий спектр тем, включая философию, искусство, и повседневную жизнь. Её стихи часто характеризуются тонким ироническим подходом к окружающему миру. Важными произведениями Шимборской являются сборники «Соль на языке», «Время живого» и «Любовь по-польски».

Вислава Шимборская

Важным экспонатом выставки является портрет Чеслава Милоша.

Чеслав Милош – ещё один выдающийся польский поэт, который получил Нобелевскую премию по литературе (1980 год). Милош активно участвовал в интеллектуальной жизни своего времени, поддерживая идеи свободы и человеческих прав.

В своих стихах Милош затрагивал темы свободы, справедливости и человеческой сущности.

Важно отметить его вклад в польскую литературу и культуру, а также его стремление к защите человеческих ценностей.

Данута Венгель показала Чеслава Милоша задумчиво смотрящим вдаль.

Чеслав Милош

Одним из самых необычных портретов на выставке является портрет Станислава Лема.

Станислав Лем – польский писатель и философ, наиболее известен своими научно-фантастическими произведениями. Одна из самых известных его работ – «Солярис» – получила широкое признание и была экранизирована (3 раза!). Лем также известен своими размышлениями о будущем технологии, человечестве и взаимоотношениях с искусственным интеллектом. Он был весьма уникальной личностью в мире литературы и польской культуры в целом.

Станислав Лем запечатлён на снимке на фоне млечного пути.

Станислав Лем

Выставка произвела на посетителей сильное впечатление. Данута Венгель показала каждого деятеля искусства с необычной стороны, отразила в снимках их уникальные качества, живые эмоции и частички их творчества. Благодаря данной фотовыставке можно узнать великих польских деятелей культуры и познакомиться с их произведениями.

ТЕКСТ: ПОЛИНА КУЗНЕЦОВА

Ян Матейко: биография и творчество

Jan Matejko: biografia i twórczość

Ян Алоизий Матейко, также известный как Ян Матейко (польск. *Jan Alojzy Matejko*; 24.06.1838, Краков – 11.11.1893, Краков) – один из самых великих польских художников, ведущий представитель польской исторической живописи XIX века. Известен, прежде всего, своими масштабными картинами, на которых изображены важные исторические события Польши.

Отец Яна был учителем музыки. С детства ребёнку прививалась любовь к музыке и истории, Ян увлекался чтением книг по археологии и истории. В гимназии, кроме уроков истории и рисования, он не интересовался другими предметами. В рисунках, сделанных во время учёбы в гимназии, уже заметен талант художника.

В возрасте 12 лет пережил Краковское восстание 1846 года, осаду и аннексию «Вольного города Кракова» Австро-Венгрией. Его раннее знакомство с восстаниями в Кракове и военной службой братьев повлияли на художественные темы работ.

В возрасте 14 лет поступил в Школу изящных искусств в Кракове. Учился у известных художников Войцеха Статлера и Владислава Луцкевича (1852–1858). Луцкевич – один из руководителей Школы – совершал с учениками выезды по стране, во время которых делались зарисовки местности и архитектурных памятников.

Ян Матейко также прошёл стажировку в Королевской академии изящных искусств в Мюнхене у немецкого художника Германа Аншютца (1859), в Императорской придворной академии живописи, скульптуры и архитектуры в Вене (1860).

Матейко много путешествовал, собирал материал для художественных работ: Париж (1865–1880), Вена (1866–1888), Константинополь (1872), Прага (1873), Будапешт (1873), Италия (1878–1879).

Первую историческую картину Ян Матейко написал в 15-летнем возрасте. Эта работа называется «Цари Шуйские перед Сигизмундом III» (1853). Исторические полотна 1860-х гг., написанные в национально-романтическом жанре, отражают представления в обществе о причинах упадка польского государства: «Станчик» (1862), «Проповедь Скарги» (1864), картина с двумя официальными названиями «Рейтан – падение Польши» и «Польский сейм 21 апреля 1773 года» (1866).

Успех к молодому Матейко пришёл уже в середине 1860-х гг., его работы отмечены главной наградой Всемирной выставки в Париже в 1867 году, а полотно «Рейтан – падение Польши» было куплено для своей коллекции австрийским императором Францем Иосифом I.

С конца 1860-х гг. размеры картин художника становятся больше, увеличивается количество представленных на них персонажей; Ян Матейко пишет ряд монументальных работ, посвящённых важным событиям истории Польши: «Люблинская уния» (1869), «Стефан Баторий под Псковом» (1872), «Битва при Грюнвальде» (1878), «Присяга Пруссии на верность Польше» (1882), «Ян Собеский под Веной» (1883), двенадцать картин цикла «История цивилизации в Польше» (1888–1889), «Принятие польской конституции 3 мая 1791 г.» (1891).

Ян Матейко был увлечён историей и говорил, что если бы ему было отведено ещё сто лет жизни, то и этого для его исторической живописи было бы мало: «Ведь наше прошлое – богатейший источник тем для живописи». К студентам он обращался со словами: «Давайте помнить, что для нас с вами Отчизна – это наша страна и наше искусство. Отделять оно от другого нам сегодня никак

нельзя. (...) Искусство для нас – это служение своему народу и исполнение своего долга перед Родиной».

Матейко – превосходный портретист; большое место в творчестве художника занимают портреты деятелей польской культуры: «Портрет Юзефа Дитля» (1864), портрет Николая Коперника (к 400-летию выдающегося астронома XVI века) «Астроном Коперник, или Беседы с Богом» (1873), «Портрет Петра Мошинского» (1874), «Портрет Генриха Краевского» (1892).

Кроме исторических картин и портретов известных польских личностей, в творческом наследии художника множество прекрасных портретов членов семьи: отца, детей, жены и автопортреты художника.

Ян Матейко уделяет всё большее значение качеству материалов и технике живописи. По свидетельству профессора, педагога Краковской школы изящных искусств, биографа и друга художника Изидора Яблонского: «Насколько он сначала экономно использовал краски на полотне, накладывая их тонким слоем, настолько позже – щедро, сочно, полной кистью...» Окончательный слой картины он накладывает по предыдущему слою ещё не высохшей краски, чтобы «они вместе высохли, срослись друг с другом, и тем самым им бы не грозило в дальнейшем, при возможной реставрации или смывании, лёгкое уничтожение».

Важную роль в творчестве Матейко занимал рисунок. Художник создал альбом рисунков, посвящённых истории польского костюма «Одежда в Польше с 1200 по 1795 год» (1860), вместе с коллективом студентов создал галерею польских монархов в книжной форме и фресок в базилике Святой Марии в Кракове (1889–1891).

Ян Матейко, получив образование в Кракове в Академии изящных искусств, в 1863 г. стал директором Академии. На этом посту он много сделал для развития польской живописи.

Более 80 художников были его учениками, на которых он оказал влияние; их называют членами «Школы Матейко». Среди его учеников были крупные польские художники рубежа XIX–XX веков: Станислав Выспаньский, Яцек Мальчевский, Юзеф

Мехоффер. Ян Матейко написал несколько сотен картин. Его творчество сыграло важную роль в формировании национального самосознания поляков.

Художник, получив наивысшие награды на художественных выставках в Берлине, Вене, Париже, продемонстрировал высочайший уровень польского искусства. Он был членом многочисленных академий и художественных обществ. Его работы стоят в одном ряду с крупнейшими европейскими художниками второй половины XIX века.

Матейко жил и работал в основном в Кракове, и его работы можно увидеть по всему Кракову – от Музея Чарторьских (художественное собрание в составе Национального музея) до Галереи польского искусства XIX века в Суконных рядах и монументальных полихромных фресок для кирпичной готической базилики Святой Марии.

Памятник великому польскому художнику и одному из самых любимых жителей Кракова – Яну Матейко – создан скульптором Яном Тутаем в ноябре 2013 г. Памятник изображает художника, сидящего в большой картинной раме. Находится он рядом с Краковским Барбаканом, там, где художник ежедневно проходил от своего дома до Академии изящных искусств. В настоящее время Академия изящных искусств и улица с близлежащей площадью названы в честь Яна Матейко.

Памятник Яну Матейко.

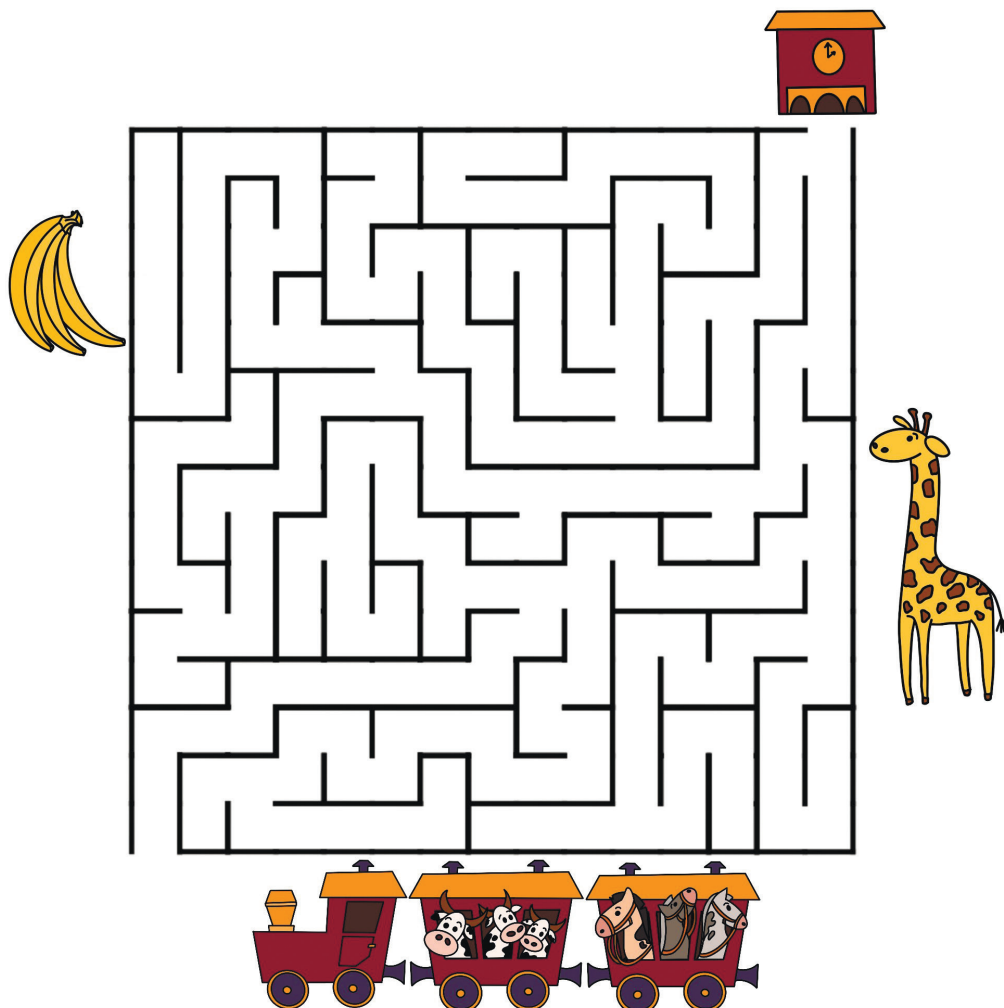
г. Краков, Старый город, ул. Баштова

Чтобы узнать больше о великом художнике, можно посетить дом-музей художника (Филиал Национального музея в Кракове) по адресу: Краков, ул. Флорианская, 41.

**ТЕКСТ: ВЛАДИМИР КУЛИК,
ВАЛЕРИЙ КАРДАНОВ,
АНАСТАСИЯ КАРДАНОВА**

Для детей Dla dzieci

Помоги паровозу из стихотворения доехать до станции

Найди 5 отличий между паровозиками

РИСУНКИ: АННА КРАВЕЦ

Локомотив

Стоит паровоз на перроне, вздыхая,
от пота блестит его туша стальная,
и масло стекает ручьями,
а он лишь поводит плечами.
Стоит и сопит, собирается с духом,
и ухает глухо
горячее брюхо:
Ух – очень жарко!
Чух – очень жарко!
Пуфф – очень жарко!
Уфф – очень жарко!
Полегче,
полегче –
дышать уже нечем,
но уголь в него кочегар так и мечет.
А тут и вагонов к нему подогнали –
тяжёлых, больших, из железа и стали.
Но что там за толпы в каждом вагоне?
В первом – коровы,
в соседнем – кони,
а в третьем одни толстяки сидят,
жуют колбасу,
ветчину,
сервелат.
В четвёртом стоит огромная пушка
и ждёт, не начнётся ли заварушка.
В пятом вагоне везут бананы,
в шестом – африканские барабаны,
и занимают седьмой вагон
два носорога,
жираф
и слон.
А рядом, из окон восьмого вагона
доносится сладкая трель саксофона,
и слышно её трёмстам поросётам,
которые едут в вагоне девятом.
Вот пару роялей и контрабас
в десятый вагон погрузили сейчас.
Но вам я, друзья,
сообщу для порядка,
что этих вагонов – четыре десятка,
и трудно сказать,
зная их габариты,
чем остальные вагоны набиты.
И если б явились три сотни атлетов,
и каждый атлет
съел по сотне котлет,
то даже атлеты,
напрягшись при этом,
такую громаду не сдвинули б, нет!
Вдруг – свист!

Вдруг – визг!
Пар – бууух!
Едем – ууух!

Сначала,
как в гору,
с трудом, понемногу
машина, пыхтя, покатила в дорогу,
по рельсам ползёт, от натуги краснея.
Но крутит колёсами всё веселее!
Мелькая,
стальная
летит вереница,
гудит паровоз,
сломя голову, мчится,
со скоростью звука вагоны везёт.
Куда же?
Куда же?
Куда же?
Вперёд!
Минуя со свистом –
аж стонет земля –
мосты и тоннели, леса и поля,
спешит, задыхаясь, железная гряда,
чтоб быть на вокзале минута в минуту,
почти уже путает выдох и вдох:
ту-дух,
тиби-дох,
тиби-дох,
тиби-дох!
Будто бы шар по бильярдному полю,
катит состав, не набегавшись вволю,
будто игрушечный он, не иначе,
будто бы это не поезд, а мячик.

Но кто же, но кто, напрягая все жилы,
торопит и гонит его, что есть силы,
шипя и бу-бухая с пылу да с жару?
Это заслуга горячего пара!
Пар из котла поступает по трубам,
поршнями двигает мощно и грубо,
а те под нажимом колёса толкают,
толкают –
работа у поршней такая!
И, словно вовеки не зная износа,
вращаются в бешеном темпе колёса,
грохочут, стучат, надрываются в такт:
вот так-то,
вот так-то,
вот так-то,
вот так!

ТЕКСТ: ЮЛИАН ТУВИМ,
ПЕРЕВОД: ИГОРЬ БЕЛОВ

